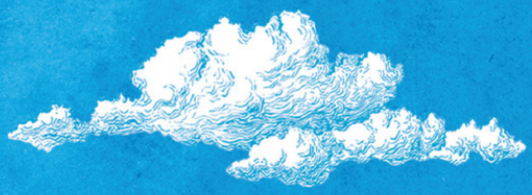
От лауреата Пулицеровской премии, автора романа

«ВЕСЬ НЕВИДИМЫЙ НАМ СВЕТ»

ПТИЧИЙ ГОРОД ЗА ОБЛАКАМИ



РОМАН

ЭНТОНИ ДОРР

18+

Большой роман

Энтони Дорр

Птичий город за облаками

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Дорр Э.

Птичий город за облаками / Э. Дорр — «Азбука-Аттикус», 2021 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-20701-1

Впервые на русском – новейший роман Энтони Дорра, автора книги «Весь невидимый нам свет», удостоенной Пулитцеровской премии; как и этот международный бестселлер, «Птичий город за облаками» включен в шорт-лист Национальной книжной премии США. Роман выстроен подобно матрешке (или «Облачному атласу» Дэвида Митчелла): здесь хитроумно перекрещиваются жизни и судьбы Анны и Омира, пребывающих по разные стороны стены в осажденном турками Константинополе 1453 года, а также пожилого энтузиаста древнегреческой литературы Зено и юного экотеррориста Сеймура в современном Айдахо, а также Констанции, которая летит к далекой экзопланете на корабле «Арго» под управлением всезнающей Сивиллы. Подобно Мари-Лоре и Вернеру в романе «Весь невидимый нам свет», все пятеро здесь – мечтатели и аутсайдеры, не теряющие надежды и посреди самого беспросветного, казалось бы, хаоса и отчаяния: «„Птичий город за облаками“ показывает, что для нас еще не все потеряно – и что важным инструментом спасения является именно литература» (Boston Globe) – например, мифическая история древнего грека Аитона, мечтающего обернуться птицей и улететь в сказочный заоблачный город… «„Птичий город за облаками“ охватывает невероятный диапазон знаний и жизненного опыта. Это человечная и вдохновляющая книга для взрослых, наполненная незабываемой магией читательских впечатлений детства» (New York Times Book Review).

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-20701-1

© Дорр Э., 2021
© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Пролог 10
«Арго» 10
Глава первая 12
Лейкпортская публичная библиотека 13
Глава вторая 19
Константинополь 20
Деревня лесорубов в Родопских горах Болгарии 23
Глава третья 35
Лейкпорт, Айдахо 36
Лейкпорт, Айдахо 41
Глава четвертая 52
«Арго» 53
Глава пятая 58
Лейкпортская публичная библиотека 59
Глава шестая 63
Константинополь 64
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Энтони Дорр
Птичий город за облаками

© Е. М. Доброхотова-Майкова, М. Д. Лахути, перевод, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Если ищете идеальный роман – вы его уже нашли.
Washington Post

«Птичий город за облаками» оставит на читательском сердце такую же неизгладимую отметину, как и «Весь невидимый нам свет».
PopSugar

Выдающееся достижение. Что-то здесь от Борхеса, что-то от Умберто Эко, что-то от Урсулы Ле Гуин – но в целом роман безошибочно дорровский.
Airmail Weekly

Доподлинное чудо – и притом эпичного (в буквальном смысле) размаха.
Publishers Weekly

Признание в любви библиотекам и библиофилам, сокровенное, как сказка на ночь.
Oprah Magazine

«Птичий город за облаками» охватывает невероятный диапазон знаний и жизненного опыта. Это человечная и вдохновляющая книга для взрослых, наполненная незабываемой магией читательских впечатлений детства.
Марсель Теру (New York Times Book Review)

Энтони Дорр – не просто выдающийся рассказчик, а настоящий волшебник. Не обязательно грезить о прекрасном заоблачном городе, чтобы хоть ненадолго сбежать из 2021 года: Энтони Дорр доставит вас туда силой своей словесной магии.
St. Louis Post-Dispatch

«Птичий город за облаками» то погружает читателя в недра земные, то возносит к звездам – и до чего же хочется, чтобы это волшебное путешествие не кончалось.
Fresh Air

Впечатляющее достижение и неизменная читательская радость. Серьезные романы редко бывают настолько увлекательными.
The Times

Долгие семь лет мы гадали: о чем же будет следующий роман Энтони Дорра после «Всего невидимого нам света»? Вот и ответ: обо всем сразу.
New York Times

«Птичий город за облаками» показывает, что для нас еще не все потеряно – и что важным инструментом спасения является именно литература.
Boston Globe

Главная здесь радость – смотреть, как складываются кусочки головоломки. Это тишайший эпос, и шепот его разносится на 600 лет – шепот не громче библиотекарского.
National Public Radio

Энтони Дорр воздал должное одному из самых благородных человеческих призваний – спасению книг (хоть рукописных, хоть типографских, хоть электронных).
Book Reporter

Истории Дорра, при всем своем размахе – глобальном, пьянящем, головокружительном, – как будто адресованы вам лично. Ничего подобного «Птичьему городу за облаками» вы еще не читали.
San Francisco Chronicle

Эта книга затягивает вас с головой, стирает границы и заставляет взглянуть на мир по-новому. Обязательное чтение.
The Daily Mirror

Энтони Дорр мастерски пишет о мифическом и самом интимном, об улитках на берегу и армиях на марше, о судьбе, любви и истории и о том невыносимо прекрасном миге, когда все это сталкивается на полном ходу.
Джесс Уолтер (автор «Великолепных руин»)

Дорр деликатно исследует парадоксы нашего мира, красоту законов природы и бездушное извращение их военной машиной, хрупкость и стойкость человеческого сердца и целительную силу времени.
М. Л. Стедман (автор «Света в океане»)

Энтони Дорр – талантливый и бесстрашный писатель нового поколения. Он смело поднимает самые важные вопросы человеческого бытия, приключения его героев обретают эпический размах.
Элизабет Гилберт (автор «Есть, молиться, любить»)

То, что вытворяет… Энтони Дорр, не удавалось еще почти никому. Никто еще, можно сказать, на такое не отваживался.
Дейв Эггерс

Проза Дорра завораживает, в его выразительных фразах сочетается зоркость натуралиста и поэтическая образность.
The New York Times Book Review

Всезнающий и всевидящий – как Д. Г. Лоуренс, Толстой, Пинчон, Делилло, – Дорр безошибочно подмечает и узор на крыльях бабочки, и

мельчайшие частицы материи во Вселенной, но при этом не обходит стороной неразрешимые вечные вопросы.
The Philadelphia Inquirer

Дорр создает мистическую атмосферу твердым, рассудительным и изящным слогом. После того как вы прочтете книгу, ее персонажи еще долго будут являться вам во сне.
Venue

Благодаря безупречной классической манере изложения чудеса у Дорра кажутся естественными. Впечатляюще!
Sunday Times

В его историях отражается и чудо, и ледяное равнодушие природы; Дорр – великолепный рассказчик.
Outside

При чтении Дорра в нас пробуждается то восторженное чувство, которое мы испытываем лишь от сильной любви к близкому человеку или предмету наших занятий.
Times Literary Supplement

Редко встречаешь писателя, который поможет тебе увидеть мир по-новому. А Дорр делает это на каждой странице!
Boston Globe

Дорр выступает как свидетель истории – не той истории, что повествует о масштабных событиях и великих людях, а о той, что высвечивает безымянные уголки, из которых и вырастают лучшие рассказы. Это как раз тот редкий случай, когда писатель, не поддаваясь на банальные соблазны, выстраивает незаурядную, сильную и внятную музыку прозы.
Колум Маккэнн

Дорр – выдающийся стилист. Путешествия его героев по миру внешнему и миру внутреннему одинаково завораживают читателя.
Guardian

В отличие от суперпопулярного в наших краях Паланика, Дорр не увлечен фриками и маргиналами; его герои если и аутсайдеры, то вполне приземленного, стейнбековского толка. Повествование неторопливое – в Айдахо, как известно, спешить некуда, – без излишней метафизики и столь раздражающего во многих коллегах Дорра надрывного пафоса. Собственно, это возвращение к исходной позиции: роман – повествование о чем-то бывалом, хотя, возможно, и вовсе небывалом, но достойном места в реальности. Эта американская «былинность» и привлекает к Дорру не только членов пулицеровского комитета, но и обычных читателей. В конце концов, в наше время, когда новости по телевизору все чаще напоминают дурной сон, как-то хочется сурового старомодного реализма хотя бы в искусстве. Даже если реализм этот, как у Дорра, призрачен и обманчив, словно охотничья байка у костра.
Playboy

* * *

Посвящается библиотекарям – прошлым, настоящим и будущим

***Предводитель хора**: Какое же дадим мы имя городу?*
***Писфетер**: Хотите имя важное, тяжелое – Лакедемон.*
***Эвельпид**: Что? «Ляг где можешь»? Зевс! Отец! Чтоб город мой назвался «Ляг где можешь»! Нет! Уж лучше лягу я в постель пуховую.*
***Предводитель хора**: Откуда ж имя мы возьмем?*
***Эвельпид** (с торжественным жестом): Отсюда вот – из туч, из пара, мыльное, пузырное, форсистое.*
***Писфетер**: Нашел! Заоблачный Кукушгород![1]*
Аристофан. Птицы. 414 год до н. э.
(перевод Адриана Пиотровского, с изменениями)

[1] Греческое слово Νεφελοκοκκυγία (Нефелококкигия) русские переводчики и ученые передавали по-разному: Нефелококкия, Облакокукушград, Тучекукуйщина (в цитируемом переводе Адриана Пиотровского), Тучекукуевск, заоблачно-кукушечный град. Мы объединим несколько вариантов и в этой книге будем называть птичий город Заоблачным Кукушгородом. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Пролог

Моей любимой племяннице с надеждой, что это принесет тебе здоровье и свет

«Арго»
65-й год миссии
307-й день в гермоотсеке № 1

Констанция

Четырнадцатилетняя девочка сидит по-турецки на полу круглого гермоотсека. Носки протерты до дыр, голову обрамляет ореол густых кудряшек. Это Констанция.

Позади нее в пятиметровом прозрачном цилиндре от пола до потолка висит машина из триллионов золотых нитей не толще человеческого волоса. Каждая обвивает тысячи других, и все они сплетены немыслимо сложным образом. Иногда какой-нибудь пучок нитей начинает пульсировать светом. Это Сивилла.

Еще здесь есть надувная койка, биоунитаз-рециркулятор, пищевой 3D-принтер, одиннадцать мешков питательного порошка «Нутрион» и «шагомер» – тренажер размером и формой с автомобильную шину. В потолке – светодиодное кольцо. По виду никаких дверей в помещении нет.

На полу перед девочкой ровными рядами лежат почти сто прямоугольных кусочков – их Констанция оторвала от пустых мешков из-под «Нутриона» и пишет на них самодельными чернилами. Некоторые исписаны плотно, на других лишь по одному слову. Есть, например, прямоугольник с двадцатью четырьмя буквами древнегреческого алфавита. Другой гласит:

В тысячелетие, предшествующее 1453 году, Константинополь осаждали двадцать три раза, но ни одна армия не взяла штурмом его сухопутные стены.

Констанция наклоняется вперед и берет три из разложенных перед ней прямоугольников. Машина у нее за спиной мигает.

Уже поздно, Констанция, и ты не ела весь день.

– Я не хочу.

Как насчет вкусного ризотто? Или бараньего жаркого с картофельным пюре? Ты еще многих комбинаций не пробовала.

– Нет, Сивилла, спасибо.

Констанция смотрит на первый прямоугольник и читает:

> Утраченное прозаическое сочинение древнегреческого писателя Антония Диогена «Заоблачный Кукушгород», повествующее о хождении пастуха в утопический небесный город, написано, вероятно, в конце первого века нашей эры.
>
> *Второй*:
>
> Из византийского пересказа девятого века мы знаем, что книга открывается коротким прологом. В нем Диоген, обращаясь к больной племяннице, говорит, что не выдумал нижеприведенную комическую повесть, а обнаружил ее в гробнице в древнем городе Тире.

> *Третий*:
>
> Диоген рассказывает племяннице, что на гробнице было высечено: «Аитон прожил восемьдесят лет человеком, год ослом, год камбалой и год вороной». Внутри Диоген якобы обнаружил деревянный ларец с надписью: «О чужестранец, кто бы ты ни был, открой, чтобы узнать то, чему ты удивишься». Открыв ларец, Диоген обнаружил внутри двадцать четыре кипарисовые таблички, на которых была записана история Аитона.

Констанция закрывает глаза, видит, как писатель спускается в темную гробницу. Вот он в свете факела разглядывает странный ларец. Диоды в потолке меркнут, стены из белых становятся янтарными, и Сивилла говорит: *Констанция, скоро затемнение*.

Девочка пробирается между клочками на полу и вытаскивает из-под койки остатки пустого мешка. Зубами и ногтями она отрывает чистый прямоугольник. Засыпает немного питательного порошка в принтер, нажимает кнопки, и устройство выплевывает в миску две столовые ложки темной жидкости. Констанция берет заостренную пластиковую трубочку с раздвоенным кончиком, окунает самодельное перо в самодельные чернила, склоняется над чистым прямоугольником и рисует облака.

Окунает снова.

Над облаком она рисует башни, потом – точечки вьющихся над ними птиц. В комнате становится еще темнее. Сивилла мигает.

Констанция, я вынуждена настоять, чтобы ты поела.

– Спасибо, Сивилла, я не хочу есть.

Она берет прямоугольник с датой – 20 февраля 2020 г. – и кладет рядом с тем, на котором написано: «Лист А». Затем помещает слева рисунок облака. На миг в гаснущем свете три клочка как будто приподнялись над полом и светятся.

Констанция садится на корточки. Она не выходила из этого помещения почти год.

Глава первая
О чужестранец, кто бы ты ни был, открой, чтобы узнать то, чему ты удивишься

Антоний Диоген, «Заоблачный Кукушгород», лист А

Кодекс[2] *Диогена написан на листах 30×22 см. Сохранилось лишь двадцать четыре листа, пронумерованные здесь от А до Ω. Все они в той или иной степени поедены червями и повреждены плесенью. Почерк аккуратный, с наклоном влево. Из перевода Зено Ниниса (2020).*

…долго ли эти таблички гнили в ларце, дожидаясь, когда их увидят. Хотя ты, моя дорогая племянница, конечно, усомнишься в правдивости изложенных в них диковинных событий, я все же перепишу всё слово в слово. Может, в стародавние времена люди и впрямь ходили по земле в зверином обличье, а в небесах между областью смертных и областью богов парил птичий город. А может, подобно всем безумцам, пастух придумал собственную правду, так что для него рассказанное было истиной. Однако перейдем теперь к его истории и сами решим, был ли он в здравом уме.

[2] *Кодекс – зд.:* древняя рукописная книга из сшитых листочков пергамента.

Лейкпортская публичная библиотека
20 февраля 2020 г.
16:30

Зено

Он сквозь снегопад ведет пятиклассников из школы в библиотеку. Ему крепко за восемьдесят; на нем непромокаемая холщовая куртка, ботинки застегнуты на липучку, галстук из ткани с веселым рисунком – мультяшными пингвинами на коньках. С утра радость мало-помалу поднималась у него в груди, и сейчас, февральским днем в половине пятого, когда дети бегут впереди по тротуару – Алекс Гесс в ослиной голове из папье-маше, Рейчел Уилсон держит карманный фонарик, Натали Эрнандес тащит акустическую колонку, – это чувство едва не валит его с ног.

Они проходят полицейский участок, департамент природопользования, агентство «Эдем-недвижимость». Лейкпортская публичная библиотека – двухэтажное викторианское здание, похожее на пряничный домик, – стоит на углу Лейк-стрит и Парк-стрит. Дом пожертвовали городу после Первой мировой войны. Трубы у него покосились, водосточные желоба просели, три из четырех окон на фасаде треснули и заклеены скотчем. На кустах можжевельника у входа и на ящике для возврата книг, разрисованном под сову, лежат снежные шапки.

Дети вприпрыжку несутся по дорожке, взлетают на крыльцо и «дают пять» детскому библиотекарю Шарифу, который вышел их встретить и помочь Зено подняться по ступеням. У Шарифа в ушах салатовые наушники-капельки, на волосатых руках налипли блестки. На футболке надпись: «Я ЛЮБЛЮ БОЛЬШИЕ КНИГИ И НЕ УМЕЮ ВРАТЬ».

Зено входит и протирает запотевшие очки. Стойка библиотекаря обклеена сердцами из цветной бумаги, над ней вышитая табличка в рамке гласит: «Здесь отвечают на вопросы».

На компьютерном столе на всех трех мониторах синхронно вращаются спирали скринсейверов. Между полкой с аудиокнижками и двумя облезлыми креслами в семигаллонный мусорный бак капает вода от протекающей батареи на втором этаже.

Кап. Кап. Кап.

Малыши бегут по лестнице в детский отдел, с их одежды во все стороны летит снег. На верхней площадке топот резко стихает. Шариф и Зено с улыбкой переглядываются.

– Вау! – слышен голос Оливии Отт.

– Офигеть, – отвечает ей голос Кристофера Ди.

Шариф под локоток ведет Зено наверх. Вход в отдел загораживает фанерная стена, выкрашенная золотой краской из баллончика, а посредине, над невысокой полукруглой дверцей, Зено написал:

Ὦ ξένε, ὅστις εἶ, ἄνοιξον, ἵνα μάθῃς ἃ θαυμάζεις

Пятиклассники толпятся перед фанерой, снег тает на их курточках и рюкзачках. Все смотрят на Зено, а Зено все не может отдышаться. Наконец он говорит:

– Все помнят, что тут сказано?

– Конечно! – отвечает Рейчел.

– А то! – подхватывает Кристофер.

Натали встает на цыпочки и ведет пальцем по каждому слову:

– «О чужестранец, кто бы ты ни был, открой, чтобы узнать то, чему ты удивишься».

– Умереть и не встать! – говорит Алекс (ослиную голову он теперь держит под мышкой). – Это мы такие типа войдем в книгу.

Шариф выключает на лестнице свет, и дети толпятся перед дверцей в свете красного указателя «ВЫХОД».

– Готово? – спрашивает Зено.

Из-за фанеры директор библиотеки, Марианна, отвечает:

– Готово!

Один за другим пятиклассники проходят через арку в детский отдел. Полки, столы и кресла-мешки сдвинуты к стенам, а их место заняли тридцать складных стульев. Над стульями с потолка свешиваются десятки картонных, усыпанных блестками облаков. Перед стульями – небольшая сцена, а за ней, на полотнище во всю дальнюю стену, Марианна нарисовала облачный город.

Повсюду теснятся золотые башни с сотнями крохотных окошек. Шпили увенчаны флажками. Над ними кружат плотные стаи птиц – маленькие серые овсянки и огромные серебристые орлы, птицы с длинными закрученными хвостами и с длинными кривыми клювами, птицы настоящие и фантастические. Марианна погасила верхние лампы, и в луче единственного прожектора для караоке облака искрятся, птицы переливаются, а башни как будто светятся изнутри.

– Это… – начинает Оливия.

– …вообще супер… – говорит Кристофер.

– Заоблачный Кукушгород, – шепчет Рейчел.

Натали ставит на пол колонку, Алекс запрыгивает на сцену, и Марианна кричит:

– Осторожнее, краска не досохла!

Зено садится на стул в первом ряду. Всякий раз, как он моргает, память проецирует на веки картинки: отец шлепается задом в сугроб, библиотекарша выдвигает каталожный ящик, в лагере военнопленных заключенный рисует в пыли греческие буквы.

Шариф ведет детей за кулисы. Там, за тремя книжными шкафами, он сложил костюмы и реквизит. Оливия натягивает латексную шапочку, которая будет изображать лысину, Кристофер вытаскивает на середину сцены коробку из-под микроволновки, раскрашенную под мраморный саркофаг, Алекс тянется к нарисованной башне, а Натали достает из рюкзачка ноутбук.

У Марианны звонит телефон.

– Пиццы готовы, – говорит она Зено в здоровое ухо. – Пойду заберу. Я одним пыхом.

Рейчел трогает Зено за плечо:

– Мистер Нинис? – Ее рыжие волосы заплетены в косички, на плечах блестят капли от растаявшего снега, глаза расширились и сияют. – Это всё вы сделали? Для нас?

Сеймур

В квартале от библиотеки, в «понтиаке-гранд-ам», на три дюйма засыпанном снегом, сероглазый семнадцатилетний подросток по имени Сеймур Штульман дремлет, держа на коленях рюкзак – очень большой темно-зеленый «Джанспорт». В рюкзаке две скороварки. Обе набиты кровельными гвоздями и подшипниками. В каждой – воспламенитель и по полкило взрывчатки, известной как «Композиция В». На крышках – по мобильному телефону, к ним изнутри тянутся проводки.

Во сне Сеймур идет через лес к белым палаткам, но при каждом его шаге тропа поворачивает, палатки удаляются, и он замирает в полной растерянности.

Он резко просыпается. Часы на приборной панели показывают 16:42. Сколько он проспал? Пятнадцать минут. Максимум двадцать. Глупо. Неосторожно. Сеймур просидел в машине больше четырех часов, ноги у него задубели. И еще очень хочется в туалет.

Он рукавом протирает запотевшее лобовое стекло. На минутку включает дворники, и они смахивают толстый слой снега. Перед библиотекой ни одной машины. На дорожке никого. На стоянке с западной стороны только один автомобиль – «субару» библиотекаря Марианны, засыпанный снегом.

16:43

«До конца дня выпадет шесть дюймов снега, – говорит радио. – За ночь – от двенадцати до четырнадцати».

Вдохнуть на четыре счета, задержать дыхание на четыре счета, выдохнуть на четыре счета. Вспомнить все, что знаешь. У сов три пары век. Глазное яблоко у них не круглое, а цилиндрическое. Совиный слух примерно в пятьдесят раз чувствительнее человеческого.

Всего-то и нужно, что выйти из машины, спрятать рюкзак в юго-восточном углу библиотеки, как можно ближе к агентству «Эдем-недвижимость», вернуться в машину, отъехать к северу, дождаться, когда в шесть библиотека закроется, набрать номер. Выждать пять гудков.

Бабах.

Легче легкого.

В 16:51 из библиотеки выходит фигура в красной парке, натягивает капюшон и начинает лопатой расчищать от снега дорожку. Марианна.

Сеймур выключает радио и сползает ниже на сиденье. В воспоминании ему семь или восемь, он в отделе взрослой научно-популярной литературы, где-то возле номера 598, и Марианна снимает с верхней полки определитель сов. Она вся в веснушках и пахнет коричной жевательной резинкой. Марианна садится рядом с ним на вращающийся табурет. Показывает ему сов у дупла, сов на ветке, сов, летящих над полями.

Сеймур прогоняет воспоминания. Как говорил Иерарх? *«Воин, преисполненный истинного духа, не ведает страха, вины и сожалений. Воин, преисполненный истинного духа, становится сверхчеловеком»*.

Марианна чистит от снега пандус для инвалидных колясок, разбрасывает соль, идет по Парк-стрит и пропадает в снежном кружении.

16:54

С полудня Сеймур ждал, когда в библиотеке никого не останется, и вот это время пришло. Он расстегивает рюкзак, включает мобильные телефоны, приклеенные скотчем к крышкам скороварок, достает стрелковые наушники и снова застегивает рюкзак. В правом кармане ветровки у него самозарядный пистолет «Беретта-92», найденный в сарае у двоюродного прадеда. В левом – мобильный телефон с тремя записанными на задней стороне номерами.

Войти, спрятать рюкзак, выйти. Отъехать к северу, дождаться, когда библиотека закроется, набрать два верхних номера. Выждать пять гудков. Бабах.

16:55

Через перекресток проезжает снегоуборщик с включенными фарами. Потом серый пикап с надписью «Кинг констракшен» на дверце. В окне первого этажа библиотеки стоит табличка «ОТКРЫТО». Наверное, Марианна выбежала по делу. Скоро вернется.

Ну же. Вылезай из машины.

16:56

Шорох, с которым снежинки падают на лобовое стекло, едва различим, однако звук как будто доходит до корней зубов. Тюх-тюх-тюх-тюх-тюх-тюх-тюх-тюх-тюх. У сов три пары век. Глазное яблоко у них не круглое, а цилиндрическое. Совиный слух примерно в пятьдесят раз чувствительнее человеческого.

Сеймур надевает наушники. Натягивает капюшон. Берется за ручку дверцы.

16:57

«Воин, преисполненный истинного духа, становится сверхчеловеком».

Он вылезает из машины.

Зено

Кристофер раскладывает по сцене пенопластовые надгробья и наклоняет коробку из-под микроволновки – саркофаг – так, чтобы зрители могли прочесть эпитафию: «Аитон прожил восемьдесят лет человеком, год ослом, год камбалой и год вороной». Рейчел достает карманный фонарик, Оливия выходит из-за книжных шкафов в лавровом венке поверх латексной шапочки, и Алекс смеется.

Зено хлопает в ладоши:

– Помните? На генеральной репетиции мы играем как по-настоящему. Завтра ваша бабушка в зале чихнет, или чей-нибудь ребенок заплачет, или вы забудете реплику, но представление не должно останавливаться, ясно?

– Ясно, мистер Нинис.

– Займите места, пожалуйста. Натали, музыку.

Натали нажимает клавишу ноутбука, из колонки льется органная фуга. К звукам органа примешиваются скрип ворот, карканье ворон, совиное уханье. Кристофер разворачивает на авансцене длинный кусок белого атласа и становится на колени у одного его конца, Натали – у другого. Они начинают качать ткань вверх-вниз.

Рейчел в резиновых сапогах выходит на середину сцены.

– Сегодня туманная ночь в островном государстве Тир… – она смотрит в роль, поднимает глаза, – и писатель Антоний Диоген выходит из архивов. Посмотрите, вот он бредет, усталый и встревоженный. Мысли его заняты умирающей племянницей, но подождите, я покажу ему то удивительное, что попалось мне среди гробниц.

Атлас взмывает вверх, звучит орган, и Оливия выходит в круг света.

Сеймур

Снежинки падают на ресницы, он смаргивает их. Рюкзак за плечами – валун, континент. Желтые глаза совы на контейнере для возврата книг как будто следят за ним.

В капюшоне и наушниках Сеймур поднимается по пяти гранитным ступеням библиотечного крыльца. К дверному стеклу с внутренней стороны приклеено объявление детским почерком:

ЗАВТРА
ТОЛЬКО ОДНО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
ЗАОБЛАЧНЫЙ КУКУШГОРОД

За библиотечной стойкой никого, за шахматной доской тоже. Никто не работает за компьютерным столом, никто не листает журналов. Видимо, из-за снегопада все сидят по домам.

На стене над стойкой вышитая табличка в рамке: «Здесь отвечают на вопросы». На часах без минуты пять. На компьютерных мониторах три спирали скринсейверов ввинчиваются все глубже.

Сеймур идет в юго-восточный угол и встает на колени в проходе между «Языками» и «Лингвистикой». Снимает с нижней полки «Английский с увлечением», «501 английский глагол» и «Учим голландский с нуля», втискивает рюкзак в пыльное пространство за ними и ставит книги обратно.

Когда Сеймур встает, перед глазами багровые полосы. В ушах стучит, колени дрожат, мочевой пузырь вот-вот лопнет, ноги ватные, и он натоптал снега от самой двери.

Теперь выйти.

Пока он идет через отдел научно-популярной литературы, пол как будто встает перед ним дыбом. Кроссовки налились свинцом, мышцы не слушаются. Названия скачут перед глазами: «Забытые языки», «Империи мира», «7 шагов, как вырастить ребенка билингвом». Сеймур проходит «Общественные науки», «Религию», словари. Тянется к двери, и тут кто-то трогает его за плечо.

Нет. Не останавливайся. Не оглядывайся.

Но он оглядывается.

Между ним и стойкой – стройный молодой человек с салатовыми наушниками-капельками в ушах. Брови торчат, словно черная соломенная кровля, глаза внимательные, на футболке написано: «Я ЛЮБЛЮ БОЛЬШИЕ», а дальше не прочесть, потому что он держит в руках Сеймуров рюкзак.

Бровастый что-то говорит, но через стрелковые наушники голос доносится будто с расстояния в тысячу миль. Сердце Сеймура – бумажный комок, оно сжимается, расправляется, снова мнется. Рюкзак не может быть здесь. Рюкзак должен быть спрятан в юго-восточном углу, как можно ближе к агентству «Эдем-недвижимость».

Бровастый смотрит в рюкзак. Молния главного отделения по-прежнему чуть расстегнута. Он поднимает нахмуренное лицо.

Тысячи черных точек врываются в поле зрения Сеймура. Стук в ушах переходит в рев. Он сует руку в правый карман ветровки и нащупывает спусковой крючок пистолета.

Зено

Рейчел, старательно изображая усилие, поднимает крышку саркофага. Оливия сует руку в картонную гробницу и вытаскивает коробку поменьше, обвязанную бечевкой.

Рейчел спрашивает:

– Ларец?

– Тут сверху надпись.

– И что в ней говорится?

– В ней говорится: «О чужестранец, кто бы ты ни был, открой, чтобы узнать то, чему ты удивишься».

– Подумайте, господин Диоген, – говорит Рейчел, – сколько лет пролежал этот ларец в гробнице. Сколько столетий он пережил! Землетрясения, потопы, пожары! Много поколений сменилось! А теперь вы держите его в ладонях!

Кристофер и Натали устало колышут атласный туман, играет органная музыка, снег стучит в окна, бойлер в подвале стонет, словно выброшенный на берег кит, а Рейчел смотрит на Оливию, и Оливия развязывает бечевку. Она достает из коробки устаревшую энциклопедию, которую Шариф нашел в подвале и покрасил золотой краской из баллончика.

– Это книга.

Она сдувает с обложки воображаемую пыль, и Зено в первом ряду улыбается.

– Объясняет ли эта книга, – спрашивает Рейчел, – как можно восемьдесят лет быть человеком, год ослом, год камбалой и год вороной?

– Давайте узнаем.

Оливия открывает энциклопедию и кладет на пюпитр перед задником. Натали и Кристофер опускают атласный туман на пол, Рейчел убирает надгробья, Оливия – саркофаг, и Алекс Гесс, метр сорок ростом, с львиной гривой золотых волос, в бежевом купальном халате поверх спортивных шортов, стуча пастушьим посохом, выходит на середину сцены.

Зено подается вперед. Ноющий бедренный сустав, шум в левом ухе, восемьдесят шесть прожитых лет, почти бесконечная череда решений, приведших его к этому мигу, – все исчезает. Алекс стоит один в свете прожектора для караоке и смотрит на пустые стулья, будто перед

ним не второй этаж ветшающей библиотеки в маленьком североайдахском городке, а зеленые холмы древнего царства Тир.

– Я, – звонко произносит он, – Аитон, простой пастух из Аркадии, и та история, которую я вам поведаю, настолько невероятна, что вы не поверите ни единому слову. И все же она правдива. Ибо я, тот, кого называли дурачиной и остолопом, да, я, придурковатый скудоумный Аитон, некогда дошел до края земли и дальше, к пресветлым воротам Заоблачного Кукушгорода, где никто не имеет ни в чем нужды, и книга, что заключает в себе все знания…

Снизу раздается хлопок, очень похожий на пистолетный выстрел. Рейчел роняет надгробье. Оливия вздрагивает. Кристофер пригибается.

Музыка играет, облака на ниточках поворачиваются, рука Натали зависла над ноутбуком. Второй хлопок эхом прокатывается по зданию, и страх длинными холодными пальцами тянется через комнату и хватает Зено.

В свете прожектора Алекс закусывает губу и смотрит на Зено. Один удар сердца. Второй. Ваша бабушка в зале чихнет. Чей-нибудь ребенок заплачет. Кто-нибудь из вас забудет реплику. Что бы ни случилось, представление не должно останавливаться.

– Но прежде, – говорит Алекс, вновь устремляя взгляд поверх пустых стульев, – я начну с самого начала.

Натали включает другую музыку, Кристофер меняет свет с белого на зеленый, и на сцену выходит Рейчел с тремя картонными овечками.

Глава вторая
Видение Аитона

Антоний Диоген, «Заоблачный Кукушгород», лист В

Хотя изначальный порядок двадцати четырех найденных листов остается предметом споров, ученые единодушно соглашаются, что эпизод, в котором пьяный Аитон видит актеров, разыгрывающих комедию Аристофана «Птицы», и проникается ложным убеждением, будто Заоблачный Кукушгород существует на самом деле, относится к началу его путешествия. Перевод Зено Ниниса.

…устав от сырости, грязи и вечного блеянья овец, устав от того, что меня называют скудоумным остолопом и простофилей, я бросил стадо на лугу и побрел в город.

На площади все сидели на скамьях. Перед ними плясали ворона, галка и удод ростом с человека, и я испугался. Однако это оказались благовоспитанные птицы, а два старика между ними рассказывали о чудесном городе, который они построят в облаках между небом и землей, вдалеке от людских забот, городе, где никто не ведает печали, все мудры и куда можно попасть только на крыльях. И мне предстало видение устремленных в облака золотых башен, между которыми кружат соколы, бекасы, перепелки, кукушки и куропатки, а из труб хлещет суп, и черепахи разносят на спине медвяные лепешки, и придорожные канавы текут вином.

Увидев это все собственными глазами, я встал и сказал: «Зачем оставаться здесь, если я могу быть там?» И я бросил мой кувшин с вином и пошел прямиком к дороге в Фессалию, землю, известную волшебством, дабы найти там колдунью, которая преобразит меня в…

Константинополь
1439–1452 гг.

Анна

На Четвертом холме города, который мы называем Константинополем, а тогдашние жители звали просто Городом, через улицу от монастыря Святой блаженной царицы Феофании, в некогда знаменитой вышивальной мастерской Николая Калафата живет сиротка по имени Анна. До трех лет она не разговаривает. Потом начинает сыпать вопросами:

«Мария, почему мы дышим?»

«Почему у лошадей нет пальцев?»

«Если я съем яйцо ворона, у меня волосы почернеют?»

«Мария, луна прячется в солнце или наоборот?»

Монахини Святой Феофании зовут Анну Мартышкой, потому что она вечно залезает на деревья в их плодовом саду, мальчишки Четвертого холма зовут ее Мошкой, потому что она вечно вокруг них вьется, а главная вышивальщица, вдова Феодора, зовет ее Рукосуйкой, потому что она единственная из девочек может освоить стежок, а через час напрочь забыть, как его класть.

Анна и ее старшая сестра Мария спят через две двери от кухни в каморке, где едва помещается тюфяк из конского волоса. На двоих у них есть четыре медяка, три пуговицы из слоновой кости, латаное шерстяное одеяло и маленькая икона святой Коралии, которая, возможно, принадлежала их матери. Анна никогда не пробовала сливок, не ела апельсинов, не выходила за городскую стену. До того как ей исполнится четырнадцать, всех, кого она знает, либо убьют, либо обратят в рабство.

Рассвет. В городе идет дождь. Двенадцать вышивальщиц поднимаются по лестнице в мастерскую, садятся на скамьи, и вдова Феодора идет от окна к окну, открывая ставни. Она говорит: «Благий Боже, избавь нас от лени», и вышивальщицы подхватывают: «Ибо прегрешениям нашим несть числа». Вдова Феодора отпирает ларец, взвешивает золотую и серебряную проволоку и маленькие коробочки с жемчужинами, записывает вес на восковой табличке, а как только света становится довольно, чтобы отличить черную нитку от белой, они принимаются за работу.

Старшей вышивальщице, Текле, семьдесят. Младшей, Анне, семь. Она сидит рядом с сестрой и смотрит, как Мария разворачивает на столе наполовину вышитую священническую епитрахиль. По краю аккуратные колечки винограда обвивают жаворонков, павлинов и голубков.

– Теперь, когда мы сделали контур Иоанна Крестителя, – говорит Мария, – мы добавим ему черты лица.

Она продевает в иголку нить нужного цвета, зажимает середину епитрахили в пяльцах и начинает быстро-быстро класть стежок за стежком.

– Мы поворачиваем иголку и прошиваем через середину предыдущего стежка, расщепляя нитку, видишь?

Анна не видит. Кому захочется сидеть весь день, согнувшись над иголкой и ниткой, вышивать святых, и звезды, и грифонов, и виноград на облачениях иерархов? Евдокия поет гимн про трех святых отроков, Агафья – о страданиях Иова, а вдова Феодора ходит по мастерской, словно цапля, которая высматривает лягушек. Анна пытается следить за Марииной

иглой: тамбурный шов, шов «назад иголка», но прямо перед их столом на окно садится маленький черноголовый чекан, стряхивает со спинки воду и поет: «Фьють-фьють-чик-чирик», и мгновение спустя Анна уже воображает себя птицей. Она вспархивает с подоконника, уворачивается от дождевых капель, несется на юг, взмывает над разрушенной церковью Святого Полиевкта. Чайки вьются над куполом Святой Софии, словно молитвы – над головой Бога, ветер гонит по широкому Боспорскому проливу белые барашки, купеческая галера под надутыми парусами огибает мыс, но Анна летит все выше и выше, и вот уже город превратился в узор из крыш и садов, и вот она уже в облаках, и вот…

– Анна, – шепчет Мария, – это что за нитка?

Вдова Феодора с другой стороны комнаты поворачивает к ним голову.

– Алая? Намотанная на проволоку?

– Нет. – Мария вздыхает. – Не алая. И без проволоки.

Весь день она приносит нитки, приносит куски ткани, приносит воду, приносит вышивальщицам их полуденную еду – бобы с оливковым маслом. После полудня раздается цоканье ослика, почтительный голос привратника, затем тяжелая поступь хозяина Калафата на лестнице. Все вышивальщицы садятся чуть прямее, начинают шить чуть быстрее. Анна ползает под столами, собирает обрезки ниток, шепчет про себя: «Я маленькая, я невидимая, он меня не заметит».

Грозно ссутуленный Калафат, с его непомерно длинными руками и следами вина на губах, похож на стервятника. Он идет между скамьями, неодобрительно прищелкивая языком, и наконец выбирает вышивальщицу, позади которой встать. Сегодня это Евгения, и Калафат долго распинается, как медленно она работает, как во времена его отца такую неумеху и близко не подпустили бы к шелку, как глупые женщины не понимают, что сарацины каждый день захватывают все новые провинции, что город – последний остров истинной веры средь моря нехристей и что, если б не городские стены, их бы всех уже продали на невольничьем рынке в какой-нибудь богом забытой глуши.

Калафат мало-помалу распаляется, но тут привратник звонит в колокольчик – приехал заказчик. Калафат утирает лоб, поправляет золотой крест на груди и шлепает вниз по лестнице. Все выдыхают. Евгения откладывает ножницы, Агафья трет виски, Анна выползает из-под скамьи. Мария продолжает шить.

Мухи выписывают петли между столами. Снизу доносится мужской смех.

За час до темноты вдова Феодора зовет ее к себе.

– Бог даст, еще не слишком темно набрать каперсов. Они облегчат Агафье боль в запястьях и помогут Текле от кашля. Ищи те, что еще не раскрылись. Возвращайся до вечернего звона, покрой голову и берегись нехороших людей.

Анна готова сорваться с места.

– И не беги – матка выпадет.

Анна заставляет себя медленно спуститься по лестнице, медленно пройти по двору, медленно миновать привратника – затем пускается бегом. Через ворота Святой Феофании, вокруг огромных гранитных обломков упавшей колонны, между двумя рядами монахов – в черных клобуках они бредут по улице, точно нелетающие вóроны. На дороге блестят лужи, три козы щиплют траву в стенах разрушенной часовни и, когда Анна бежит мимо, разом поднимают голову.

Каперсы растут неподалеку от Калафатова дома – наверное, двадцать тысяч кустиков, – но Анна бежит чуть ли не лигу[3] до городской стены. Здесь, в заросшем крапивой саду, у осно-

[3] *Лига – зд.:* полторы римские мили, то есть 3000 шагов (приблизительно 2,3 км).

вания высокой внутренней стены, есть потерна, выстроенная в незапамятные времена. Анна перелезает через груду битого кирпича, протискивается в щель и взбегает по винтовой лестнице. Шесть поворотов до верха, через паутину, и вот она уже в стрелковой башенке с двумя бойницами в противоположных стенах. Повсюду битый камень, песок ручейками сыплется через трещины под ногами, испуганная ласточка уносится прочь.

Анна тяжело дышит после бега, ждет, когда глаза привыкнут к полутьме. Века назад кто-то – быть может, одинокий лучник, скучая на дозоре, – нарисовал на южной стене фреску. От времени и непогоды часть штукатурки осыпалась, однако рисунок все еще можно разобрать.

С левого края стоит на берегу моря ослик с печальными глазами. Вода синяя, расчерчена геометрическими волнами, а с правого края на облачном плоту, выше, чем Анна может дотянуться, сияет город из бронзовых и серебряных башен.

Раз пять она смотрела на эту фреску, и всякий раз у нее в душе шевелилось что-то невыразимое: она ощущала тягу далеких краев, огромность мира и собственную малость. Фреска совсем не такая, как те рисунки, по которым вышивают в доме Калафата: перспектива необычнее, цвета чище. Почему ослик смотрит так грустно? И что это за город? Сион, рай, град Божий? Анна встает на цыпочки и в трещинах штукатурки различает колонны, арки, окна, порхающих над башнями крохотных голубей.

В саду под башней раздается первая соловьиная трель. Свет все слабее, пол скрипит, башня как будто клонится – вот-вот рухнет. Анна вылезает через западную бойницу на парапет, туда, где каперсы растут в ряд, подставив листья садящемуся солнцу.

Она набивает бутонами карман, однако смотрит по-прежнему за стену. Там, по другую сторону затянутого тиной рва, ждет большой мир: масличные рощи, козьи тропы, крохотный погонщик, ведущий через кладбище двух верблюдов. К первому удару вечернего звона карман у Анны полон едва на четверть. Она опоздает. Мария будет тревожиться, вдова Феодора станет ругаться.

Анна пролезает обратно в башенку и на один вдох замирает под фреской. В сумерках волны как будто вздымаются, город мерцает. Ослик переступает копытцами – очень хочет переправиться через море.

Деревня лесорубов в Родопских горах Болгарии
Те же годы

Омир

Лигах в полутораста к северо-западу от Константинополя, в деревушке лесорубов у бурной речки, родился почти здоровый мальчик. У него блестящие черные глаза, красные щечки и сильные ножки. Однако верхняя губа с левой стороны расщеплена до самой ноздри.

Повитуха пятится. Мать сует палец ребенку в рот – щель продолжается глубоко в нёбо. Как будто Творец потерял терпение и бросил работу за миг до окончания. Пот, покрывающий все ее тело, холодеет, радость сменяется ужасом. Четвертая беременность, и до сих пор она не потеряла ни одного ребенка, даже вообразила себя особенной. А теперь это?

Младенец орет, ледяной дождь лупит по крыше. Мать держит ребенка на коленях и двумя руками стискивает грудь, направляя молоко ему в рот. Младенец булькает; наружу выливается больше, чем попадает внутрь.

Амани, старшая дочь, несколько часов назад ушла позвать мужчин. Сейчас они уже спешат из леса, подгоняя воловью упряжку. Две младшие девочки смотрят то на мать, то на новорожденного, силясь понять, как возможно такое лицо. Повитуха отправляет одну на реку за водой, другую – закопать послед. Уже совсем темно, младенец по-прежнему орет, и тут раздается собачий лай, а потом – колокольчики Листа и Шипа перед хлевом.

Дед и Амани входят обледенелые, глаза у них безумные.

– Он упал… лошадь… – начинает Амани, потом видит лицо младенца и умолкает.

За ее спиной дед говорит:

– Твой муж поскакал вперед, но лошадь, видать, поскользнулась в темноте и упала в реку…

Дом наполняется ужасом. Новорожденный орет. Повитуха бочком пробирается к двери, ее лицо перекошено первобытным страхом.

Жена кузнеца предупреждала, что в горах всю зиму безобразничают духи мертвых – проникают в запертые двери, пугают беременных, душат младенцев. Жена кузнеца сказала, им надо оставить приношение: привязать к дереву козу, а для верности еще и вылить в ручей меду, но муж сказал, у них нет лишней козы, а мед она сама пожалела.

Гордыня.

Всякий раз, как она шевелится, в животе вспыхивает молния. С каждым сердцебиением она чувствует, как повитуха разносит новость от дома к дому. Родился демон. Его отец погиб.

Дед берет младенца и сует ему в рот палец. Младенец умолкает. Другой рукой дед щупает расщелину в его губе.

– Много лет назад, по другую сторону гор, был один человек с такой же щелью под носом. Отличный был конник, как только забудешь, какой урод.

Он отдает ей младенца и заводит в дом козу и корову, потом снова уходит в темноту распрячь волов. В зрачках животных отражается свет очага, девочки подходят ближе к матери.

– Это джинн?

– Демон?

– Как он будет дышать?

– Как он будет есть?

– Дедушка отнесет его в горы и там бросит?

Младенец моргает на них черными внимательными глазами.

Ледяной дождь превращается в снег, и мать возносит сквозь крышу молитву, чтобы, если ее сыну предназначена в мире какая-то роль, его бы оставили в живых. Однако перед зарей она просыпается и видит над собой деда. В заснеженном овчинном тулупе он похож на призрака из песни лесорубов, чудовище, привычное к жутким деяниям, и хотя к утру она говорит себе, что мальчик будет вместе с ее мужем в райском саду, где из камней бьют молочные родники, реки текут медом и всегда лето, чувство у нее такое, будто, отдав его, она отдала одно свое легкое.

Петухи кричат, снег скрипит под колесами за окном, в доме становится светлее, и ее вновь охватывает страх. Муж утонул, и его конь вместе с ним. Девочки умываются, молятся, доят корову Красотку, относят сено Листу и Шипу, нарезают еловых лап для козы. Утро сменяется днем, а женщина все не находит в себе силы встать. Холод в крови, холод в голове. Сейчас ее сын пересекает реку смерти. Или сейчас. Или сейчас.

В первых сумерках начинают лаять собаки. Она встает и ковыляет к двери. Порыв ветра высоко в горах стряхивает с деревьев искристый снег. Грудь распирает почти невыносимо.

Долго ничего не происходит. Затем на дороге от реки появляется дед на кобыле; поперек седла у него какой-то сверток. Собаки заходятся лаем. Дед спешивается. Руки тянутся забрать у него сверток, хотя разум твердит: не надо.

Ребенок жив. Губы у него серые, щеки – белые, но крохотные пальчики не почернели от мороза.

– Я отвез его в высокую рощу. – Дед кладет в очаг дрова, раздувает уголья; руки у него дрожат. – Оставил там.

Она садится как можно ближе к огню, правой рукой берет младенца за подбородок, а левой направляет струю молока ему в рот. Молоко течет из щели в нёбе, однако мальчик глотает. Девочки, сгорая от любопытства, проскальзывают в дом, пламя в очаге разгорается, дед дрожит.

– Я сел на лошадь. Он лежал совсем тихо. Просто смотрел на деревья. Маленький кулек в снегу.

Ребенок сопит, снова глотает. За дверью воют собаки. Дед смотрит на свои трясущиеся руки. Как скоро узнает вся деревня?

– Я не смог его оставить.

Еще до полуночи селяне с факелами и вилами выгоняют их прочь. Ребенок сгубил отца и заколдовал деда, так что тот принес его обратно из рощи. В нем демон, а уродство – тому доказательство.

Они оставляют позади хлев, луг, погреб для овощей, семь плетеных ульев и дом, который дедов отец выстроил шестьдесят лет назад. Заря застает их, замерзших и напуганных, в нескольких лигах вверх по реке. Дед шагает по раскисшей земле рядом с волами, а сзади на арбе девочки держат в обнимку кур и горшки. Корова Красотка плетется сзади, вздрагивая от каждой тени, а сзади едет на кобыле мать, и спеленатый ребенок у нее на руках моргает, глядя в ночное небо.

К ночи они уже далеко от деревни, в лощине, куда не ведет ни единой дороги. Между обледенелыми каменными глыбами вьется ручей. Облака, огромные, как боги, плывут в кронах деревьев. Странный посвист ветра пугает животных. Останавливаются под известняковым карнизом. Здесь пралюди эпохи назад нарисовали пещерных медведей, туров и нелетающих птиц. Девочки жмутся к матери, дед разводит огонь, коза жалобно кричит, собаки скулят, а в глазах младенца отражается свет костра.

– Омир, – говорит его мать. – Мы назовем его Омир. Тот, кто живет долго.

Анна

Ей восемь. Она возвращается от винодела с тремя кувшинами темного, кружащего голову вина для Калафата и останавливается передохнуть рядом с гостиницей. За ставнями кто-то читает по-гречески с неместным выговором:

Одиссей же
Тою порой подошел ко дворцу Алкиноя; он сильно
Сердцем тревожился, стоя в дверях перед медным порогом.
Все лучезарно, как на небе светлое солнце иль месяц,
Было в палатах любезного Зевсу царя Алкиноя;
Медные стены во внутренность шли от порога и были
Сверху увенчаны светлым карнизом лазоревой стали;
Вход затворен был дверями, литыми из чистого злата;
Притолки их из сребра утверждались на медном пороге;
Также и князь их серебряный был, а кольцо золотое.
Две – золотая с серебряной – справа и слева стояли,
Хитрой работы искусного бога Гефеста, собаки
Стражами дому любезного Зевсу царя Алкиноя…[4]

Анна забывает свою тачку, вино, время – всё. Акцент непривычный, но голос сильный и плавный; стихи подхватывают ее, словно всадник, летящий во весь опор. Мальчишеские голоса повторяют стих, и первый голос продолжает:

Был за широким двором четырехдесятинный богатый
Сад, обведенный отвсюду высокой оградой; росло там
Много дерев плодоносных, ветвистых, широковершинных,
Яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных,
Также и сладких смоковниц, и маслин, роскошно цветущих;
Круглый там год, и в холодную зиму, и в знойное лето,
Видимы были на ветвях плоды; постоянно там веял
Теплый зефир, зарождая одни, наливая другие;
Груша за грушей, за яблоком яблоко, смоква за смоквой,
Грозд пурпуровый за гроздом сменялися там, созревая.

Что это за дворец, где двери из чистого золота, притолоки серебряные, а деревья плодоносят круглый год? Словно зачарованная, Анна подходит к постоялому двору, перелезает через ворота и заглядывает в щелку между ставнями. Внутри четыре мальчика в дублетах сидят вокруг старика, у которого на шее огромный зоб. Мальчики заунывно-монотонно повторяют стихи, а старик держит на коленях что-то похожее на листы пергамента. Анна приникает к щелке еще ближе.

До сих пор она дважды видела книги – усыпанную драгоценными камнями Библию, которую несли по проходу в Святой Феофании, и травник, который торговец снадобьями на рынке захлопнул, как только Анна попыталась в него заглянуть. Эта на вид старше и мрачнее; буквы на пергаменте теснятся, будто следы сотни птиц на прибрежном песке.

---

[4] Здесь и далее отрывки из «Одиссеи» приведены в переводе В. Жуковского.

Учитель читает дальше. Богиня окутала путника туманом, чтобы он проник в сияющий дворец. Анна нечаянно грохает ставнем, мальчишки поднимают голову. Через мгновение широкоплечая хозяйка уже гонит Анну прочь, словно птицу со своей яблони.

Анна возвращается к тачке и придвигает ее к самой стене, однако мимо грохочут телеги, стучит по крыше начавшийся дождь, и она ничего не слышит. Кто этот Одиссей и кто такая богиня, окутавшая его волшебным туманом? А царство Алкиноя – это то, что нарисовано в башне лучника? Ворота открываются, мальчишки бегут, огибая дождевые лужицы, корчат Анне рожи. Довольно скоро, опираясь на палку, выходит старик-учитель, и она загораживает ему дорогу:

– Твоя песня. Она была внутри страниц?

Учитель почти не может повернуть голову – у него под подбородком как будто тыква-горлянка.

– Ты меня научишь? Я уже знаю некоторые значки: тот, что как две колонны с перекладиной, и тот, что как виселица, и тот, что как перевернутая бычья голова.

Указательным пальцем она рисует в грязи «А». Старик заводит глаза к небу, с которого сыплет дождь. Белки глаз у него желтые.

– Девочки не ходят к учителям. И у тебя нет денег.

Анна поднимает кувшин:

– У меня есть вино.

Он, разом встрепенувшись, тянется к кувшину.

– Сперва урок, – говорит она.

– Ты его не выучишь.

Анна не уступает. Старый учитель стонет. Концом палки он пишет в грязи:

Ωκεανός

– Океан, старший сын Неба и Земли. – Он рисует кружок и тычет в центр. – Здесь ведомое. – Тычет за пределами круга. – Здесь неведомое. Давай вино.

Анна передает кувшин, и старик пьет, держа его обеими руками. Она садится на корточки. Ωκεανός. Семь значков на мокрой земле. И все же в них заключены одинокий путник, и дворец с медными стенами, и золотые сторожевые псы, и богиня с ее туманом?

За опоздание вдова палкой бьет Анну по левой ступне. За то, что один кувшин наполовину пуст, – по правой. Десять ударов по одной и десять по другой. Анна почти не плачет. Полночи она пишет буквы внутри своего ума, а на следующий день, бегая вверх-вниз по лестнице – принести воды, принести угрей кухарке Хрисе, – видит окутанное облаками царство Алкиноя на острове, где всегда веет западный ветер – зефир, где зреют яблоки, груши и маслины, синие смоквы и красные гранаты, а на сияющих пьедесталах стоят золотые мальчики со светильниками в руках.

Две недели спустя она по пути с рынка делает крюк, чтобы пройти мимо гостиницы, и видит, что зобатый учитель сидит на солнце, словно деревце в горшке. Анна ставит корзину с луком и пальцем пишет в дорожной пыли:

Ωκεανός

Она обводит слово кружком.

– Старший сын Неба и Земли. Здесь ведомое. Здесь неведомое.

Старик с усилием поворачивает голову и смотрит на Анну, как будто впервые ее видит. В его влажных глазах отражается свет.

Его зовут Лициний. До своих несчастий, говорит Лициний, он служил учителем в богатой семье в одном городе на западе. У него было шесть книг и железный сундук, чтобы их хранить: два жития святых, книга Горациевых од, свидетельство чудес святой Елизаветы, учебник

греческой грамматики и «Одиссея» Гомера. Однако, когда сарацины захватили его город, он бежал в столицу без ничего и благодарит ангелов небесных за городские стены, чей фундамент заложила сама Божья Матерь.

Лициний вынимает из-за пазухи три стопки старого пергамента. Одиссей, говорит он, был некогда полководцем в величайшей армии, какую видел мир. Ее воины собрались из Гирмина, из Дулихия, из укрепленных стенами Кносса и Гортина, из самых дальних заморских краев. Они пересекли море на тысяче черных кораблей, чтобы разграбить прославленный град Трою, и с каждого корабля сошла тысяча воинов – бессчетные тьмы, сказал Лициний, как листы на деревьях или как мухи, что вьются над сосудами с парным молоком в пастушьих кущах. Десять лет осаждали они Трою, а когда наконец взяли ее, усталые воины отплыли домой, и все добрались благополучно, кроме Одиссея. Песнь о его путешествии домой, объясняет Лициний, состоит из двадцати четырех книг, по числу букв алфавита, и на ее пересказ нужен не один день, однако у Лициния остались только эти три тетрадки, полдюжины листов каждая. В них рассказывается, как Одиссей покинул грот Калипсо, но его настигла буря и выбросило на берег острова Схерия, где живет Алкиной, царь феакиян.

Были времена, продолжает Лициний, когда каждый ребенок империи знал всех персонажей в истории Одиссея. Но задолго до Анниного рождения крестоносцы-латиняне с Запада сожгли город, убили тысячи его жителей и разграбили почти все его богатства. Потом чума сократила население вдвое, а затем еще вдвое, и тогдашней императрице, чтобы заплатить воинам, пришлось продать венецианцам свою корону, а нынешний император носит корону со стекляшками, и ему не по карману даже та посуда, с которой он ест, город погружается в сумерки и ждет второго пришествия, да и вообще никому больше нет дела до старых побасенок.

Анна по-прежнему неотрывно смотрит на страницы. Это сколько же слов! Нужно семьдесят жизней, чтобы все их выучить.

Всякий раз, как кухарка Хриса посылает Анну на рынок, девочка находит предлог заглянуть к Лицинию. Она приносит ему хлебные корки, копченую рыбу, полсвязки дроздов. Дважды ей удается стащить кувшин Калафатова вина.

В благодарность он ее учит. *А* это ἄλφα это альфа. *В* это βῆτα это бета. *Ω* это ὦ μέγα это омега. Подметая мастерскую, таща очередной сверток ткани или очередное ведро угля, сидя подле Марии в мастерской (пальцы занемели от холода, морозное дыхание клубится над шелком), она пишет буквы на тысяче чистых страниц своего ума. Каждый значок означает звук, соединяешь звуки – выстраиваешь слова, соединяешь слова – выстраиваешь миры. Усталый Одиссей пускается в плаванье на плоту, оставив позади Калипсо, соленые брызги бьют в лицо, под водой гневается морской бог, и в его лазурных волосах колышутся водоросли.

– Забиваешь себе голову ненужными глупостями, – шепчет Мария.

Но тамбурный шов «цепочкой», тамбурный шов с узелками, петля вприкреп – Анна никогда этому не научится. Итог всех стараний – она укалывает палец и капает кровью на ткань. Сестра говорит, надо думать о святых людях, которые будут совершать божественные таинства в облачениях ее работы, но мысли Анны постоянно уплывает к островам, где бьют сладостные ключи и богини сходят с небес по лучу света.

– Вот же наказание Господне! – говорит вдова Феодора. – Научишься ты ли хоть чему-нибудь?

В свои годы Анна уже понимает, как шатко их положение. У них с Марией нет ни родных, ни денег; в доме Калафата их держат лишь потому, что Мария – искусная вышивальщица. В лучшем случае они могут надеяться, что всю жизнь просидят здесь, от зари до зари вышивая кресты, ангелов и листья на покровцах, аналойниках и фелонях, пока не сгорбятся и не ослепнут.

Мартышка. Мошка. Рукосуйка. И все же Анна не может остановиться.

– Читай по одному слову.

Она вновь разглядывает мешанину значков на пергаменте:

πολλών δ' ανθρώπων ίδεν άστεα και νόον έγνω

– Не могу.

– Можешь.

Άστεα – города, νόον – обычай, έγνω – узнал.

Она говорит:

– Многих людей он посетил города и узнал их обычаи.

Зоб Лициния трясется, губы кривятся улыбкой.

– Именно. Именно так.

Почти мгновенно улицы начинают лучиться смыслом. Анна читает надписи на монетах, на краеугольных камнях и на могильных плитах, на свинцовых печатях, на опорах мостов и на мраморных табличках, вмурованных в оборонительные стены. Каждый кривой закоулок – сам по себе древний манускрипт.

Слова сияют на щербатом крае блюда, которое кухарка Хриса держит рядом с очагом: «Благочестивейшая Зоя». Над входом в заброшенную часовенку: «Мир тебе, вступающему сюда с чистым сердцем». Любимая ее надпись высечена над дверцей привратника рядом с воротами Святой Феофании. Анна разбирала эти слова полвоскресенья.

> *Остановитесь со всем смирением, воры, убийцы, грабители, конники и воины, ибо мы вкусили благоуханной Крови Христовой.*

Последний раз Анна видит Лициния на пронизывающем ветру. Кожа у старого учителя того же цвета, что и дождь. Глаза слезятся, хлеб, который она ему принесла, лежит нетронутым, зоб, огромный и воспаленный, кажется хищным существом, которое сегодня ночью наконец поглотит его лицо.

Сегодня, говорит он, они будут разбирать μύθος, миф, что означает разговор или что-нибудь произнесенное, но также рассказ или повесть, предание из времен древних богов. Лициний объясняет, какое это чудесное слово, которое может означать нечто одновременно истинное и ложное. И тут он вдруг словно забывает, о чем говорил.

Ветер вырывает одну тетрадку у него из рук, Анна догоняет ее, отряхивает, возвращает старику. Лициний долго сидит с закрытыми глазами.

– Хранилище, – говорит он наконец. – Ты знаешь это слово? Текст – книга – хранилище памяти людей, которые жили прежде. Способ сберечь память после того, как душа отправилась дальше.

Теперь его глаза широко открыты, как будто он вглядывается в великую тьму.

– Однако книги, как и люди, умирают. Они умирают от пожаров, наводнений и червей, умирают по прихоти тиранов. Если их не беречь, они исчезнут из мира. А когда из мира исчезает книга, память умирает вторично.

Он морщится, дышит медленно и прерывисто. Ветер метет по улице шуршащие листья, яркие облака несутся над крышами, мимо проходят несколько вьючных лошадей, всадники укутались от холода, и Анна дрожит. Позвать хозяйку гостиницы? Кровопускателя?

Лициний поднимает руку; в его скрюченных пальцах три потрепанные тетрадки.

– Нет, Учитель, – говорит Анна. – Они твои.

Но он тычет тетрадки ей в руки. Анна смотрит вдоль улицы: гостиница, стена, кренящиеся деревья. Она произносит молитву и прячет пергаментные листы за пазуху.

Омир

Старшая дочь умирает от глистов, среднюю убивает лихорадка, но мальчик растет. В три он может стоять на волокуше, когда Лист и Шип сперва расчищают, потом боронят луг. В четыре он может наполнить котелок в ручье и втащить по валунам в построенный дедом каменный домик. Дважды мать платит жене кузнеца, чтобы та проделала долгий путь из деревни – шесть лиг вверх по реке – и зашила мальчику расщелину в верхней губе, и оба раза ничего не получается: расщелина, идущая через нёбо до носа, не закрывается. Но хотя он иногда чувствует жжение во внутреннем ухе и боль в челюсти, хотя похлебка часто льется у него изо рта на одежду, он крепкий, спокойный и никогда не болеет.

Первых воспоминаний у него три:

1. Он стоит у ручья между Листом и Шипом. Они пьют, а он смотрит, как вода капает с их огромных морд и вспыхивает на солнце.

2. Сестра Нида корчит страшную рожу, собираясь ткнуть его палкой в верхнюю губу.

3. Дед стаскивает с розовой фазаньей тушки шкурку и перья, словно раздевает ее, потом жарит на вертеле над очагом.

Те немногие дети, что берут Омира в игру, заставляют его изображать чудовищ, когда разыгрывают приключения Булукии[5], и спрашивают, правда ли от одного взгляда на него вьюрки замертво падают в полете, а у кобыл случается выкидыш. Но зато они учат его отыскивать перепелиные яйца и показывают глубокие места в реке, где водится самая большая форель. И еще показывают старый тис на известняковом утесе над лощиной и говорят, внутри в огромном дупле живут злые духи, а само дерево бессмертное.

Лесорубы и их жены по большей части обходят Омира стороной. Не раз и не два проезжий купец на дороге у реки направлял лошадь в объезд через лес, лишь бы с ним не столкнуться. Если кто из чужаков когда-нибудь взглянул на него без страха и подозрения, то Омир этого не помнит.

Больше всего он любит лето, когда деревья танцуют на ветру, мох на валунах блестит изумрудами и ласточки гоняются друг за другом в небе над лощиной. Нида поет, ведя коз на выпас, а мать лежит на камне над ручьем, и рот у нее открыт, как будто она глотает свет, а дед берет силки, горшок с птичьим клеем и ведет Омира высоко в горы ставить ловушки на птиц.

Хотя дед сгорбленный и у него не хватает двух пальцев на ноге, ходит он быстро, и Омиру приходится делать два шага на один дедов. Пока они поднимаются, дед рассуждает о превосходстве волов – они-де спокойнее лошадей, им не нужно овса, а их навоз не выжигает ячмень, как конский, и, когда они от старости уже не в силах работать, их можно съесть, а уж как они горюют друг о друге, когда один умрет! Если вол лежит на левом боку, будет вёдро, а если на правом – дождь. Буковый лес уступает место соснам, сосны – горечавкам и примулам, и до вечера дед успевает наловить в силки с полдюжины куропаток.

Они устраиваются на ночлег в усеянной валунами лощине, и собаки бегают кругами, вынюхивая, нет ли волков, Омир разводит огонь, дед свежует и жарит четырех куропаток, а холмы внизу лежат чередой темнеющей синевы. Они ужинают, костер прогорает до углей, дед тянет из тыквы-горлянки сливовицу, и мальчик ждет в радостном предвкушении. Чувство такое, будто сейчас из-за поворота покажется освещенная фонарями арба со сладкими лепешками и медом.

– Я тебе рассказывал, – спросит дед, – как я оседлал огромного черного жука и долетел до луны?

Или:

---

[5] В «Тысяче и одной ночи» сын царя, который в поисках травы бессмертия совершает фантастическое путешествие.

– Я тебе говорил, как побывал на острове, который весь из рубинов?

Он рассказывает Омиру о стеклянном городе, далеко на севере, где все говорят шепотом, чтобы ничего не разбить. И про то, как раз превратился в червяка и дорыл ход до подземного мира. Все истории заканчиваются тем, что дед после очередного удивительного и опасного приключения возвращается в родные горы, и уголья рассыпаются золой, и дед начинает храпеть, а Омир смотрит в небо и гадает, что за миры плывут средь далеких звезд.

Когда он спрашивает мать, может ли жук долететь до луны и правда ли дед целый год прожил внутри морского чудовища, она отвечает, что, насколько ей известно, дед никогда не покидал родных гор и не лучше ли Омиру думать о том, что он сейчас делает, то есть помогать ей вытапливать из сот воск?

И все же мальчик часто уходит в одиночку к дуплистому тису, забирается на ветку и смотрит вниз, туда, где речка исчезает за поворотом, и воображает чудеса, которые лежат дальше: леса, где деревья умеют ходить, пустыни, где люди с конскими телами мчатся быстрее стрижиного полета, царство на вершине земли, где сходятся времена года, морских змеев средь плавучих ледяных гор и племя бессмертных синих великанов.

Ему десять, когда Красотка, старая корова с провислой спиной, телится в последний раз. Почти весь вечер два копытца, с которых капает слизь и поднимается на холоде пар, торчат из-под ее выгнутого дугой хвоста, а Красотка жует траву, будто ничего решительно не происходит. Потом по ее телу проходит судорога, и на землю вываливается бурый теленок.

Омир делает шаг к нему, однако дед удерживает мальчика. На лице вопрос. Красотка вылизывает теленка, все его тельце раскачивается под ее огромным языком, дед шепчет молитву, начинает сыпать дождик, а теленок все не встает.

И тут Омир видит то, что сразу заметил дед. Из-под хвоста у Красотки торчит еще пара копытцев. Следом за копытцами появляется морда с розовым язычком, потом глаз, а следом и весь теленок, на этот раз серый.

Двойня. Оба бычки.

Серый почти сразу встает и начинает сосать. Бурый не поднимает мордочку от земли. «Что-то с ним не так», – шепчет дед и ругает соседа, к чьему быку они водили Красотку, но Омир думает, бычок просто не спешит: пытается решить новую сложную задачу костей и силы тяжести.

Серый сосет Красоткино вымя, стоя на ножках-прутиках, а его брат по-прежнему лежит в папоротниках, мокрый и неподвижный. Дед вздыхает. В тот же самый миг первый бычок встает и делает к ним шаг, словно говоря: «Кто тут во мне сомневался?» Омир с дедом смеются. Семейное богатство увеличилось вдвое.

Дед боится, что у Красотки не хватит молока для двоих, однако она справляется, жуя траву без остановки весь удлинившийся день. Бычки растут быстро. Бурого назвали Древом, серого – Луносветом.

Древ не любит ходить по грязи, жалобно мычит, когда теряет из вида маму-корову, и может спокойно простоять пол-утра, покуда Омир выбирает из него репьи. Луносвет, наоборот, вечно бежит разглядывать бабочку, поганку, пень, жует веревки и цепи, ест опилки, забредает в грязь по колено, как-то застрял рогом в гнилом дереве и мычал, чтобы его выручили. В одном бычки схожи: они с первого дня полюбили мальчика, который кормит их с рук, гладит им морды и часто спит в хлеву между их большими теплыми боками. Они вместе с ним играют в прятки и бегают наперегонки, вместе шлепают по весенним лужам в сверкающем облаке мух. Судя по всему, бычки считают Омира братом.

Бычкам еще нет месяца, когда дед запрягает их в ярмо. Омир нагружает арбу камнями, берет длинную палку и начинает учить бычков. «Цоб» значит налево, «цобэ» значит направо,

«цоб-цобэ» значит прямо. Поначалу бычки не обращают на мальчика внимания. Древ не дает впрячь себя в арбу, Луносвет трется о каждый ствол, пытаясь сбросить ярмо. Арба опрокидывается, камни сыплются, бычки становятся на колени и мычат, старые Лист и Шип перестают щипать траву и качают седыми головами, будто зрелище их забавляет.

– Да кто станет слушать мальчишку с такой рожей? – смеется Нида.

– Покажи им, что можешь позаботиться обо всех их нуждах, – говорит дед.

Омир начинает заново. Он палкой постукивает волов по коленям, щелкает языком, свистит, шепчет им на ухо. В это лето горы зеленее обычного, трава вымахала высокой-превысокой, материны ульи тяжелеют от меда, а семья в первый раз с тех пор, как ее выгнали из деревни, ест вволю.

Рога у Древа и Луносвета теперь большие, широкие, грудь раздалась, круп стал крепким и сильным; к тому времени, как их пора холостить, они уже выше своей матери, даже Лист и Шип рядом с ними кажутся хилыми. Дед говорит, если прислушаться, можно услышать, как они растут. Омир почти уверен, что дед шутит, и все равно, когда никто не видит, прижимается ухом к боку Луносвета и закрывает глаза.

Осенью в долину приходит известие, что султан Мурад Второй, Великий и Победоносный, скончался, оставив власть восемнадцатилетнему сыну (да живет он вечно). Торговец, который покупает у семьи мед, говорит, что с воцарением молодого султана начнется новый золотой век, и в маленькой лощине все это подтверждает. Дорога – чистая и сухая, дед с Омиром молотят небывалый урожай ячменя, Нида с матерью сыплют зерно в корзины, и свежий ветер уносит мякину.

Как-то вечером, незадолго до первого снега, от реки приезжает путник на лоснящейся кобыле, сзади трясется на лошаденке слуга. Дед отсылает Омира с Нидой в хлев, и те смотрят в щели между бревнами. На путнике травяно-зеленая чалма и отороченный овчиной плащ, а борода до того гладкая, что Нида думает – наверное, духи расчесывают ее каждую ночь. Дед показывает гостям древние рисунки в пещере, затем путник возвращается к дому, хвалит поле и сад. При виде двух молодых волов у него отвисает челюсть.

– Вы их кровью великанов вскармливали?

– Редкое благословение, когда двойня ходит в одном ярме, – отвечает дед.

На закате мать, прикрыв лицо, подает гостям зелень и коровье масло, затем сладкие медвяные дыни, последние в этом году. Нида и Омир подслушивают у задней стены, и Омир молится, чтобы путник рассказал о городах в земле за горами. Тот спрашивает, как вышло, что они живут так далеко от деревни, и дед отвечает, они сами так решили и, благодарение султану, да покоится он в мире, у семьи есть все, что ей нужно. Путник что-то бормочет (слов не разобрать), но тут слуга встает, прокашливается и говорит:

– Хозяин, они прячут в хлеву демона.

Тишина. Дед подбрасывает в очаг дров.

– Гуля или злого колдуна в обличье ребенка.

– Прошу прощения, – говорит путник. – Мой слуга забыл свое место.

– У него лицо как у зайца, и животные повинуются его слову. Потому-то они и живут одни, далеко от деревни. Потому и волы у них такие огромные.

Путник встает:

– Это правда?

– Он всего лишь мальчик, – отвечает дед, но Омир различает в его голосе непривычную резкость.

Слуга пятится к двери.

– Это ты сейчас так думаешь, – говорит он, – а со временем его истинная природа выйдет наружу.

Анна

За городскими стенами пробуждается старая вражда. Сарацинский султан умер, говорят женщины в мастерской, а новый султан, еще почти мальчишка, день и ночь думает, как захватить город. Он изучает военное искусство, говорят они, как монахи изучают Писание. Его каменщики уже строят печи для обжига кирпичей в полудне́ ходьбы от Боспорского пролива. Там, где пролив у́же всего, султан хочет выстроить огромную крепость, дабы не пропускать в город корабли с оружием, зерном и вином со стороны Черного моря.

Приходит зима, и Калафату в каждой тени мерещатся дурные знамения. Горшок треснул, ведро протекло, огонь в очаге погас – во всем виноват султан. Калафат сетует, что из провинции больше не поступают заказы; вышивальщицы недостаточно усердны, или извели слишком много золотой нити, или слишком мало, или не крепки в вере. Агафья слишком медлительна, Текла слишком стара, Елизаветины рисунки слишком убогие. От одной плодовой мушки в вине он впадает в дурное настроение на несколько дней.

Вдова Феодора говорит, Калафату нужно сочувствие, а лекарство от всякой напасти – молитва. С наступлением темноты Мария встает на колени перед иконой святой Коралии, губы беззвучно шевелятся, молитвы возносятся к потолку. Только совсем поздно, после повечерия, Анна отваживается отползти от спящей сестры, принести из шкафчика в кухне свечу и достать из тайника под тюфяком Лициниевы тетрадки.

Если Мария и замечает, то ничего не говорит. Анна так увлечена, что ей не до сестры. Пламя свечи дрожит над страницами, слова превращаются в стихи, стихи – в краски и свет, одинокого Одиссея мотает по волнам буря. Его плот переворачивается, он захлебывается в соленой воде, мимо проносится морской бог на колеснице, запряженной зелено-синими конями. Но вот в лазурной дали, за пенными бурунами, встает волшебное царство Схерия.

Это как строить в их каморке маленький рай, бронзовый и сияющий, обильный плодами и вином. Зажги свечу, прочти строчку, и повеет западным ветром; рабыня приносит один сосуд с водой, другой – с вином, Одиссей садится за царскую трапезу, а любимый певец Алкиноя заводит песнь.

Как-то зимней ночью Анна возвращается из кухни и слышит через приоткрытую дверь каморки голос Калафата:

– Что это за ворожба?

У Анны кровь обращается в лед. Она на цыпочках подходит к порогу. Мария стоит на коленях, губы у нее разбиты в кровь, Калафат пригнулся под низким потолком, его глазницы скрывает тень. В длиннопалой левой руке – Лициниевы тетрадки.

– Так это была ты? С самого начала? Ты воровала свечи? Из-за тебя все наши несчастья?

Анна хочет открыть рот, сознаться, отменить это все, но от страха не может говорить. Мария молится, не шевеля губами, молится в голове, она забилась в какое-то тайное святилище глубоко-глубоко внутри себя, и ее молчание еще больше распаляет Калафата.

– Мне говорили: «Только святой введет в дом своего отца чужих детей. Кто знает, какую беду они принесут». Но я не слушал. Я сказал: «Это всего лишь свечи. Та, кто их крадет, всего лишь теплит их на ночной молитве». И что я теперь вижу? Гнусность. Ворожбу.

Он хватает Марию за волосы. Что-то внутри Анны вопит: скажи ему. Ты воровка. Все несчастье из-за тебя. Скажи. Но Калафат за волосы тащит Марию мимо Анны, как будто ее нет, Мария силится встать на ноги, Калафат вдвое ее выше, и вся храбрость Анны улетучилась.

Он волочет Марию мимо каморок, в которых сжались за дверью другие вышивальщицы. На мгновение она встает, но тут же падает. Большой клок ее волос остался в руке у Калафата, и Мария ударяется виском о каменную ступень перед кухней.

Звук такой, будто ударили молотком по тыкве-горлянке. Кухарка Хриса смотрит из-за корыта, Анна стоит в коридоре, кровь с Марииной головы капает на пол. Все молчат. Калафат хватает ее за платье, тащит обмякшее тело к очагу, сует листы пергамента в огонь и разворачивает Марию незрячими глазами к огню, в котором сгорают тетрадки одна вторая третья.

Омир

Двенадцатилетний Омир сидит на ветке старого дуплистого тиса и глядит на изгиб реки, когда по дороге внизу пробегает самая маленькая дедова собачонка. Она, поджав хвост, несется к дому как ошпаренная. Древ и Луносвет, широкогрудые, мускулистые двухлетки, которые щиплют траву среди последних наперстянок, разом поднимают голову. Они нюхают воздух, потом смотрят на Омира, словно ожидая указаний.

Свет мало-помалу становится серебристым. В вечерней тишине слышно, как собачонка подбегает к дому, а мать спрашивает: «Что на нее нашло?»

Четыре вдоха, пять вдохов, шесть. Из-за поворота выезжают шеренгой три глашатая с забрызганными грязью знаменами. За ними еще с десяток всадников, у некоторых что-то похожее на трубы, у других копья. Дальше запряженные ослами повозки и пешие воины – больше людей и животных, чем Омир видел за всю жизнь.

Он спрыгивает с дерева и по тропе несется к дому, Древ и Луносвет трусят следом, на ходу жуя жвачку, раздвигают высокую траву, словно корабли. К тому времени, как Омир добегает до хлева, дед уже, хромая, выходит из дому. Лицо у него мрачное, как будто давно ожидаемая неприятность наконец случилось. Он прикрикивает на собак, отсылает Ниду в погреб и стоит, распрямив спину и уронив сжатые в кулаки руки, а по дороге от реки приближаются первые всадники.

Все они в красных шапках и сидят на невысоких лошадках с заплетенными гривами и яркими уздечками, у одних в руках алебарды, у других к седлам приторочены длинные луки. На шее болтаются пороховые рожки, волосы пострижены непривычно. Посланец султана, в сапогах до колен и рубахе с пышными рукавами, спешивается, проходит меж валунов и останавливается, держа правую руку на рукояти кинжала.

– Мир тебе, – говорит дед.

– И тебе.

Падают первые капли дождя. Из-за поворота дороги появляются еще люди. Есть несколько повозок, запряженных тощими горными волами, но большинство составляют пешие воины с мечами или колчанами за спиной. Один глашатай замечает Омира и брезгливо кривится. На миг Омир понимает, как выглядят в глазах чужаков он сам и его дом: жалкая хижина в лощине, приют мальчика с рассеченной губой, обитель уродства.

– Близится ночь, – говорит дед, – а с нею и дождь. Вы наверняка устали. У нас есть корм для ваших животных и кров для вас. Заходите и будьте гостями.

Он церемонно вводит глашатаев в дом. Возможно, радушие его и впрямь непритворно, только Омир видит, что дед то и дело теребит бороду, как всегда, когда сильно встревожен.

К темноте дождь уже льет как из ведра. Сорок человек и почти столько же животных укрылись под известняковым козырьком у двух дымящих костров. Омир приносит им дрова, потом сено и овес. Он бегает в темноте под дождем между хлевом и пещерой, низко надвинув капюшон, чтобы не видно было лица. Всякий раз, как он останавливается, горло веревкой сжимает страх. Зачем они здесь, куда направляются и когда уйдут? То, что мать и сестра раздают воинам, – мед и квашеная капуста, копченая форель, овечий сыр и вяленое мясо – это почти весь их запас на зиму.

На многих плащи, как у лесорубов, но некоторые одеты в лисьи шубы или верблюжьи шкуры, и по меньшей мере у одного на шее горностай с зубастой мордочкой. Почти у каждого

на кушаке висит кинжал, а все разговоры – о богатой добыче, которую они завоюют в великом городе на юге.

После полуночи Омир находит деда на скамеечке в хлеву. Тот работает при масляном светильнике (расточительность, какой за ним раньше не водилось) – стругает новую перекладину для ярма. Султан, да хранит его Всевышний, объясняет дед, собирает людей и животных в своей столице Эдирне. Ему нужны воины, погонщики, кухари, кузнецы, носильщики. Все, кто придет, получит награду, в этой жизни и в следующей.

Завитки стружки вьются в свете лампы и пропадают во тьме.

– Когда они увидели твоих волов, у них чуть головы с шей не попадали, – говорит дед, однако не смеется и не поднимает глаз от работы.

Омир садится под бревенчатой стеной. От особенного сочетания запахов навоза, дыма, соломы и стружек он ощущает в горле знакомое тепло и сглатывает слезы. Каждое утро думаешь, что день будет такой же, как вчера, – что тебе ничего не грозит, что все твои близкие будут живы и с тобой, что жизнь в целом останется прежней. А потом вдруг приходит миг, и все меняется.

В мыслях мелькают образы города на юге, но Омир даже на картинке никогда города не видел и не знает, что воображать. Образы мешаются с дедовыми рассказами о говорящих лисах и лунных пауках, о стеклянных башнях и мостах между звездами.

В ночи кричит осел. Омир говорит:

– Они заберут Древа и Луносвета.

– И погонщика. – Дед поднимает ярмо, разглядывает, снова кладет на колени. – Ни за кем другим волы не пойдут.

Омира как будто разрубают топором. Всю жизнь он гадал, что там за тенью гор, а теперь хочет только съежиться здесь, под стеной хлева, и ждать, когда придет зима, проезжие изгладятся из памяти и все станет по-прежнему.

– Я не пойду.

– Однажды, – дед наконец смотрит ему в лицо, – жители целого города, от попрошаек до мясников и халифа, отказались последовать зову Всевышнего и за это обратились в камень. Все до единого, включая женщин и детей. Отказываться нельзя.

У противоположной стены спят Древ и Луносвет, их ребра вздымаются и опадают разом, будто они – одно существо.

– Завоюешь славу, – говорит дед, – а потом вернешься.

Глава третья
Старухино предостережение

Антоний Диоген, «Заоблачный Кукушгород», лист Г

…выйдя за ворота деревни, я миновал гнусную каргу, сидевшую на пне. Она сказала:

– Куда идешь, дуралей? Скоро стемнеет, и не дело в такое время быть на дороге.

Я ответил:

– Всю жизнь я мечтал увидеть больше, наполнить взор новыми зрелищами, уйти из этой грязной вонючей деревни, от вечного блеянья овец. Я иду в Фессалию, землю волшебства, искать колдуна, который превратит меня в птицу, в храброго орла или мудрую могучую сову.

Она рассмеялась и сказала:

– Аитон, дубина ты стоеросовая, все знают, что ты до пяти считать не умеешь, где тебе счесть волны морские. Ничего ты не увидишь, кроме своего носа.

– Молчи, ведьма, – был мой ответ, – ибо я слышал, есть в облаках город, где жареные дрозды сами залетают тебе в рот, а придорожные канавы текут вином и где всегда веет теплый ветер. Как только я стану храбрым орлом или мудрой могучей совой, я полечу туда.

– Всякий думает, будто у соседа ячмень уродился лучше, Аитон, но я тебе скажу, в других краях ничего хорошего нет, – промолвила старуха. – За каждым углом поджидают разбойники, готовые проломить тебе голову, а в темноте упыри жаждут напиться твоей крови. Здесь у тебя есть сыр, вино, твои друзья и твое стадо. То, на что ты их хочешь променять, куда хуже.

Но как пчела без остановки перелетает с цветка на цветок, так и моя неугомонность…

Лейкпорт, Айдахо
1941–1950 гг.

Зено

Ему семь, когда его отца нанимают установить новую лесопильную раму в компании «Энсли тай энд ламбер». Они приезжают в январе. До этого Зено снег видел только асбестовый, в рождественской витрине северокалифорнийской аптеки. Мальчик трогает замерзшую лужу на перроне и тут же отдергивает пальцы, будто обжегся. Отец плюхается задом в сугроб, размазывает снег по всему пальто, идет к нему:

– Глянь! Глянь на меня! Я большенный снеговик!

Зено заходится плачем.

Компания сдала им щелястый двухкомнатный домик в миле от поселка, на краю слепяще-белого поля – мальчик только позже узнает, что это замерзшее озеро. В сумерках отец открывает двухфунтовую банку «Армер энд компани» – спагетти с тефтелями – и греет на дровяной печке. То, что со дна, обжигает Зено язык, то, что сверху, почти холодное.

– Отличный дом, да, окорочок? Лучше не придумаешь?

Всю ночь холод пробирается в тысячи щелей, и мальчик не может согреться. Перед рассветом он бежит в туалет по дорожке, расчищенной между двумя снежными стенами, и это такой ужас, что он мечтает никогда больше не писать. Утром отец идет с ним милю до магазина и тратит четыре доллара на восемь пар шерстяных носков «Юта вулен миллз», самых теплых, какие там есть, потом они садятся на пол у кассы, и отец натягивает Зено по два носка на каждую ногу.

– Помни, малыш, – говорит отец, – не бывает плохой погоды, бывает плохая одежда.

Половина детей в школе – финны, остальные – шведы, а у Зено темные ресницы, карие глаза, кожа цвета кофе с молоком и странное имя. Его называют пендосом, овцетрахом, чуркой, зеро, нулем. Даже если он не понимает этих слов, смысл ясен: не воняй, не дыши, кончай трястись, кончай быть не таким, как мы. После школы он бредет через лабиринт снежного месива в центральной части Лейкпорта. Пять футов снега на крыше автомастерской, шесть – на крыше скобяного магазина «М. С. Моррис». В кондитерской «Кодуэллс» старшие мальчишки жуют резинку и разговаривают о лохах, телках и тачках. Заметив его, они говорят: «Крути педали, пока не дали».

Через восемь дней после приезда в Лейкпорт он останавливается перед голубым двухэтажным викторианским зданием на углу Лейк-стрит и Парк-стрит. С крыши свисают сосульки, вывеска, полузанесенная снегом, гласит:

Библиотека

Зено заглядывает в окно. Тут же дверь открывается и две одинаковые женщины в платьях со стоячим воротничком манят его внутрь.

– Что-то ты слишком легко одет, – говорит одна.

– Где твоя мама? – спрашивает другая.

Столы для чтения освещены лампами на гибких ножках. На стене вышивка со словами: «Здесь отвечают на вопросы».

– Мама, – отвечает он, – живет теперь в Небесном Городе, где никто не болеет и не печалится.

Библиотекарши наклоняют голову под в точности одинаковым углом. Одна усаживает его перед камином на стул с плетеным сиденьем, другая уходит за шкафы и возвращается с книгой в лимонно-желтой суперобложке поверх матерчатого переплета.

– Ах, – говорит первая сестра, – прекрасный выбор.

Они садятся по обе стороны от него, и та, что принесла книгу, говорит:

– В такой промозглый день, когда не можешь согреться, иногда только и нужно что древние греки… – она показывает страницу с тесными строчками стихов, – чтобы улететь через всю планету туда, где тепло, каменисто и солнечно.

Огонь в камине мерцает, медные ручки каталожных ящиков поблескивают. Зено зажимает ладони между коленями, и вторая сестра начинает читать. Это история одинокого мореплавателя, самого одинокого человека в мире. Восемнадцать дней его носило в море на плоту, а потом налетела страшная буря. Его плот разбит, а его самого выбросило голым на скалы острова. Однако богиня по имени Афина приняла облик девушки с кувшином воды и ведет его в чудесный город.

– «Он изумился, увидевши пристани», – читает библиотекарша…

> …в них бесконечный
> Ряд кораблей, и народную площадь, и крепкие стены
> Чудной красы, неприступным извне огражденные тыном.

Зено сидит как зачарованный. Он слышит бьющие о берег волны, чувствует соленый морской воздух, видит сияющие на солнце купола. Может быть, остров феакиян и есть Небесный Город? И пришлось ли маме в одиночку плыть между звездами восемнадцать дней, чтобы туда попасть?

Богиня советует одинокому мореплавателю не боятся, говорит, лучше всегда быть храбрым, и он входит во дворец, сияющий, словно лунный свет, и царь с царицей угощают его медвяным вином, и усаживают в серебряное кресло, и просят рассказать о его странствиях, и Зено хочет слушать дальше, но тепло камина, запах старой бумаги и мерный голос библиотекарши его убаюкивают. Он засыпает.

Отец обещает утеплить дом, провести воду и заказать новехонький электрообогреватель «Термадор» прямиком из «Монтгомери уорд», но каждый вечер приходит с работы такой усталый, что не может расшнуровать ботинки. Он ставит на печку банку макарон с мясом, закуривает и засыпает за столом, а снег с ботинок растекается лужицей у него под ногами, как будто отец немного оттаивает во сне, прежде чем на заре снова выйти за дверь и заледенеть.

Каждый день после школы Зено заходит в дом на углу Лейк-стрит, и библиотекарши – обеих зовут мисс Каннингем – дочитывают ему «Одиссею» и переходят к «Золотому руну», а затем – к «Героям до Ахиллеса». Они ведут Зено через Огигию и Эрифию, Гесперию и Гиперборею, земли, которые сестры называют мифическими, то есть ненастоящими, а это значит, что Зено может попасть туда только в фантазии. Впрочем, иногда библиотекарши говорят, что древние мифы могут быть правдивее правды, так что, может, это все-таки настоящие места? Дни становятся длиннее, в библиотеке капает с потолка, а с огромных сосен над домиком большие куски снега падают так шумно, что мальчик воображает: это Гермес в золотых сандалиях спрыгнул с Олимпа, спеша доставить очередное послание богов.

В апреле отец приносит с лесопилки пегую колли. Она воняет псиной и регулярно гадит за печкой, и все равно, когда она вечерами забирается к Зено на одеяло и прижимается к нему, довольно вздыхая, у него от счастья выступают на глазах слезы. Он называет ее Афиной. Каждый день она встречает его после уроков, виляя хвостом в грязи у школьного забора, и они вместе идут в библиотеку, и сестры Каннингем разрешают Афине спать на коврике у камина, пока они читают Зено про Гектора и Кассандру и про сто детей царя Приама, и май переходит

в июнь, озеро искрится сапфирами, по лесу эхом разносится звук пилы, рядом с лесопилкой растут штабеля бревен, огромные, как города, и отец покупает Зено штаны на лямках. Они на три размера велики, а на кармане у них вышита молния.

В июне он идет мимо дома с кирпичной трубой на углу Мишшн-стрит и Форест-стрит. Перед домом припаркован голубой «бьюик» 57-й модели 1933 года выпуска. Дверь открывается, выглядывает женщина и манит Зено в дом.

– Я тебя не укушу, – говорит она, – но собаку оставь снаружи.

Внутри окна задернуты лиловыми занавесками. Женщина говорит, что ее зовут миссис Бойдстен, а ее муж погиб при несчастном случае на лесопилке несколько лет назад. У нее желтые волосы, голубые глаза и родинки на шее, как будто замершие жуки. На блюде в гостиной – пирамида печенья в форме звездочек. Каждая печенька блестит глазурью.

– Угощайся. – Она закуривает; на стене за ее спиной мрачно смотрит с креста футовый Иисус. – Я их все равно выброшу.

Зено берет одно печенье: масляное, сладкое, очень вкусное.

На полках по всей комнате стоят сотни розовощеких фарфоровых детей в красных шапочках и красных платьицах. Некоторые в больших крестьянских башмаках, некоторые с вилами, некоторые целуются, а некоторые заглядывают в колодец желаний.

– Я тебя видела, – говорит женщина. – Бродишь по городу. Разговариваешь с теми ведьмами в библиотеке.

Зено не знает, что ответить, и фарфоровые дети его смущают, к тому же у него рот полон печеньем.

– Бери еще.

Вторая печенька даже лучше первой. Кто печет печенье только затем, чтобы их выбросить?

– Твой отец ведь недавно сюда приехал? Работает на лесопилке? Широкоплечий?

Зено заставляет себя кивнуть. Иисус смотрит не мигая. Миссис Бойдстен глубоко затягивается сигаретой. Она спокойна и в то же время яростно напряжена. Зено думает про всевидящего Аргуса, стража богини Геры, у которого были глаза по всей голове и даже на кончиках пальцев, так что, когда пятьдесят спали, другие пятьдесят продолжали нести дозор.

Он берет третью печеньку.

– А твоя мать? Она с вами живет?

Зено мотает головой, и внезапно ему становится душно в доме, печенья комком глины давят на желудок, Афина скулит под дверью. Волны стыда и смущения прокатываются через Зено. Он пятится от стола и выходит на улицу, даже не сказав спасибо.

В следующее воскресенье они с отцом сидят рядом с миссис Бойдстен в церкви, где пастор с мокрыми подмышками говорит про надвигающиеся силы тьмы. Потом они все вместе идут к миссис Бойдстен домой, и она наливает в одинаковые синие стопочки что-то под названием «Олд форестер». Отец включает ее настольный радиоприемник «Зенит», и сумрачные комнаты наполняются звуками биг-бенда, миссис Бойдстен смеется, показывая зубы, и кончиками ногтей трогает отца за руку. Зено надеется, что она поставит на стол новое блюдо печенья, но тут отец говорит:

– Поди, малыш, на улицу, поиграй.

Они с Афиной проходят квартал до озера, и Зено строит из песка маленькое царство феакиян с высокими крепостными стенами, плодовым садом из веточек и флотом шишек-кораблей. Афина находит на берегу палки и носит Зено, чтобы он бросал их в воду. Два месяца назад он был бы счастлив побывать в настоящем доме с настоящим камином и припаркован-

ным у входа «бьюиком» 57-й модели, а сейчас хочет одного: вернуться с отцом домой и греть консервированные макароны на печке.

Афина приносит палки все больше и больше и наконец волочет по песку целое вывернутое с корнем деревце. Солнце блестит на воде, исполинские сосны качаются, осыпая иголками его королевство. Зено закрывает глаза и чувствует, как уменьшается – уменьшается настолько, что может войти в царский дворец посреди своего песочного острова, где слуги подадут ему теплую одежду и поведут его по озаренным светильниками коридорам в тронную залу, и там Зено вместе с Одиссеем, своей мамой и могучим красавцем Алкиноем совершат возлияние Тучегонителю Зевсу, помогающему странникам в пути.

Наконец он бредет обратно к миссис Бойдстен и зовет отца, и тот кричит из дальней комнаты: «Через три минуты, окорочок!», и они с Афиной сидят на крыльце в облаке комаров.

Сентябрь смыкается на августе, как клешня, в октябре склоны гор припорашивает снег, а Зено с отцом проводят у миссис Бойдстен каждое воскресенье, да и многие вечера на неделе. К ноябрю отец так и не устроил в доме туалет и не выписал новехонький электрообогреватель «Термадор» прямиком со склада «Монтгомери уорд». В первое воскресенье декабря они приходят из церкви к миссис Бойдстен, отец включает ее радиоприемник, и диктор говорит, что триста пятьдесят три японских самолета разбомбили базу американского флота на острове Оаху.

В кухне миссис Бойдстен роняет пакет с мукой. Зено спрашивает: «Что такое „вспомогательный персонал“?» Никто не отвечает. Афина тявкает на крыльце, диктор рассуждает, что могли погибнуть тысячи моряков, и у отца с левой стороны лба заметно пульсирует жилка.

Снаружи, на Мишшн-стрит, сугробы уже в рост Зено. Афина роет в снегу туннель, и ни одна машина не проезжает мимо, ни один самолет не пролетает над головой, ни один ребенок не выходит из соседних домов. Весь мир как будто замер в молчании. Когда через несколько часов Зено возвращается в дом, отец ходит вокруг радиоприемника, сжимает правую руку левой, щелкая суставами, а миссис Бойдстен стоит у окна со стаканом «Олд форестера», и муку с полу никто так и не замел.

По радио женщина говорит: «Добрый вечер, дамы и господа». Потом прочищает горло. «Я обращаюсь к вам в трудный для страны час».

Отец поднимает палец:

– Это жена президента.

Афина скулит под дверью.

«Уже много месяцев, – говорит жена президента, – над нами висело сознание, что нечто подобное может произойти, и все же мы не могли до конца поверить».

Афина лает. Миссис Бойдстен говорит:

– Уйми, пожалуйста, свою псину.

Зено спрашивает:

– Пап, может, пойдем уже домой?

«Что бы от нас ни требовалось, – говорит жена президента, – я уверена, мы с этим справимся».

Отец трясет головой:

– Этих мальчиков разбомбили во время завтрака. Они горели живьем.

Афина снова лает, и миссис Бойдстен дрожащими ладонями сжимает лоб. Сотни фарфоровых детей на полках – и те, что держатся за руки, и те, что прыгают через скакалку, и те, что несут ведра, – будто наливаются ужасающей энергией.

«А теперь, – говорит радио, – мы вернемся к программе, которую приготовили на сегодняшний вечер».

Отец говорит:

– Мы покажем этим гребаным япошкам. Мальчики, ох, мальчики. Мы им покажем.

Через пять дней он и еще четверо мужчин с лесопилки едут в Бойсе. Там им смотрят зубы, потом измеряют объем груди. А сразу после Рождества папа отправляется во что-то под названием тренировочный лагерь в какое-то место под названием Массачусетс, а Зено переезжает жить к миссис Бойдстен.

Лейкпорт, Айдахо
2002–2011 гг.

Сеймур

Младенцем он истошно вопит сутками напролет. В год-полтора ест только круглое: колечки «Чириос», круглые бельгийские вафли из морозилки и обычные «M&M's» в пакетиках по 1,69 унции[6]. Не «фан-сайз» и не «шеринг-сайз», и не дай бог Банни купит арахисовые. Ей можно трогать его коленки и локти, но не ладони и ступни. Уши – ни в коем случае. Мыть голову – кошмар. Стричься – исключено.

Они живут в Льюистоне в мотеле «Золотой дуб»; за проживание в одной комнате Банни убирает остальные шестнадцать. Бойфренды прокатываются как бури: Джед, потом Майк Готри, потом тот, которого Банни называет Индейкина нога. Лампы мигают, льдогенератор рычит, стекла дрожат от проезжающих мимо лесовозов. В худшие ночи они спят в «понтиаке».

В три года Сеймур решает, что не выносит фабричных ярлычков на белье и шуршания некоторых сухих завтраков в пакете. В четыре он ударяется в плач, если пластиковая соломинка в пакетике сока скребет о проткнутую фольгу. Если Банни слишком громко чихнет, он полчаса трясется. Люди спрашивают: «Что с ним такое?» и «Ты что, не можешь его утихомирить?».

Ему шесть, когда Банни узнаёт, что умер ее двоюродный дедушка, которого она не видела двадцать лет, и оставил ей сдвоенный щитовой дом в Лейкпорте. Банни захлопывает мобильник-раскладушку, бросает резиновые перчатки в ванну номера 14, где убиралась, оставляет тележку с моющими средствами в открытой двери, грузит в «понтиак-гранд-ам» тостер, DVD-проигрыватель «Магнавокс», два больших мусорных пакета с одеждой, сажает в машину Сеймура и три часа гонит на юг без остановки.

Дом стоит посреди акра бурьяна в миле от городка, в тупике гравийной дороги под названием Аркади-лейн. Одно окно выбито, на сайдинге краской из баллончика написано: «Я не вызываю 911»[7], крыша с одной стороны загибается вверх, словно великан пытался ее оторвать. Как только уезжает адвокат, Банни встает на колени перед дверью и рыдает так неостановимо, что это пугает их обоих.

С трех сторон участок обступают сосны. Во дворе тысячи белых бабочек перелетают с одной головки чертополоха на другую. Сеймур сидит рядом с Банни.

– Ой, Опоссум… – она вытирает глаза, – как же, блин, давно этого не было.

Сосны по краям участка колышутся. Бабочки порхают.

– Чего не было, мам?

– Надежды.

Плывущая по ветру паутинка вспыхивает на солнце.

– Да, – говорит он. – Давно, блин, не было надежды.

И вздрагивает, когда мама разражается смехом.

Банни заколачивает разбитое окно фанерой, выгребает из кухонных шкафчиков мышиные какашки, выкидывает изгрызенный бурундуками дедушкин матрас на дорогу и покупает два новых в кредит под девятнадцать процентов без начального взноса. Находит в благотво-

---

[6] Прибл. 45 г.

[7] В США эта надпись означает: «У меня есть оружие, и если вы попытаетесь меня ограбить, буду не звонить в полицию, а сразу стрелять».

рительном магазине оранжевый диванчик на двоих и выливает на него полфлакона освежителя «Гавайский бриз», прежде чем они с Сеймуром втаскивают покупку в дом. На закате они садятся рядышком на крыльце и съедают по две вафли каждый. Высоко над головой в сторону озера пролетает скопа. Из-за сарая материализуется олениха с двумя детенышами и прядает ушами. Небо лиловеет.

– «Зерна прорастают, – поет Банни, – расцветает луг, скоро лес оденется молодой листвой»[8].

Сеймур закрывает глаза. Ветер мягкий, как голубые покрывала в «Золотом дубе», может, даже мягче, от чертополоха идет дух, как от теплой новогодней елки, а сразу за спиной, через стену, – его собственная комната, и разводы у нее на потолке похожи на облака, или на кугуаров, или на морские губки, а у мамы, когда она поет про то, что овечки блеют, бычок гарцует, а козлик пердит, голос такой счастливый, что Сеймур не может удержаться от смеха.

Первый класс в Лейкпортской начальной школе = двадцать шесть шестилеток в щитовом домике двадцать четыре на сорок футов под руководством старой и ехидной миссис Онегин. Темно-синяя парта, за которую она сажает Сеймура, омерзительна: рама погнута, болты заржавели, а ножки скрипят по полу так, будто тебе в глаза загоняют иголки.

Миссис Онегин говорит:

– Сеймур, ты видел, чтобы другие дети сидели на полу?

Она говорит:

– Сеймур, ты ждешь особого приглашения в золотой рамочке?

Она говорит:

– Сеймур, если ты не сядешь…

У директора на столе стоит кружка с надписью «УЛЫБНИСЬ!», а на его ремне несутся друг за дружкой мультяшные Дорожные бегуны. Банни, в новенькой форменной рубашке поло клининговой службы «Вэгон уил» (стоимость вычтут из ее первой зарплаты), говорит: «Он довольно чувствительный», а директор Дженкинс спрашивает: «Мужчина в семье есть?» – и в третий раз косится на ее грудь. Позже, в машине, Банни сворачивает на обочину Мишшн-стрит и, не запивая, глотает три таблетки от головной боли.

– Опоссум, ты меня слушаешь? Тронь уши, если слушаешь.

Мимо проносятся четыре грузовика: два синих, два черных. Он трогает уши.

– Кто мы?

– Команда.

– А что значит быть командой?

– Помогать друг другу.

Проезжает красный автомобиль. Потом белый грузовик.

– Можешь посмотреть на меня?

Он смотрит. Магнитный бейджик на ее рубашке гласит: «МЕНЕДЖЕР ПО УБОРКЕ ПОМЕЩЕНИЙ БАННИ». Имя мельче, чем название работы. Еще два грузовика раскачивают «гранд-ам», проезжая мимо, но Сеймур не слышит, какого они цвета.

– Я не могу уходить с работы в середине смены из-за того, что тебе не понравилась парта. Меня уволят. А мне нельзя, чтобы меня уволили. Я должна стараться. Ты постараешься?

Сеймур старается. Когда Кармен Ормаэчеа трогает его своей рукой, которая хуже ядовитого плюща, он старается не закричать. Когда фрисби Тони Молинари попадает ему в голову,

---

[8] Банни поет «Песню кукушки» – анонимный английский канон, написанный в середине XIII века. В XX и XXI веках многие музыканты исполняли его в своей аранжировке на современном языке; его мелодия звучала в фильмах, телепередачах и на спортивных событиях.

он старается не плакать. Но девятого сентября из-за пожара в горах Севен-Девилз весь город затягивает дымом, и миссис Онегин говорит, на перемену выходить не будем, слишком плохой воздух, и окна открывать нельзя, потому что у Родриго астма, и через несколько минут в классе воняет, как от дедушкиной микроволновки, когда мама разогревает мороженую фахиту[9].

Сеймур выдерживает устный счет, выдерживает ланч, выдерживает карточки с заданиями, но к тихому уроку его силы на исходе. Миссис Онегин усадила всех раскрашивать их Северные Америки, и Сеймур пытается рисовать светло-зеленые круги в Мексиканском заливе, пытается двигать только пальцами и запястьем, не давя на парту, чтобы она не делала *скрип-скрип*, не дышать, чтобы не вдыхать запахи, но пот течет по ребрам, а Уэсли Охмен постоянно расстегивает и застегивает липучку на левой кроссовке, а Тони Молинари делает губами звук, будто пускает пузыри, а миссис Онегин пишет огромное мерзкое А-М-Е-Р-И-К- на маркерной доске, и кончик маркера шуршит и повизгивает, а часы на стене тиктиктиктакают, и все эти звуки летят ему в голову, как шершни в гнездо.

Рев; всю жизнь Сеймура он рокотал где-то вдали, но теперь нарастает. Рев стирает горы, озеро, Лейкпорт, прокатывается по школьной парковке, переворачивая машины, рычит за стеной и трясет дверь. Миллион черных точек взрывается перед глазами. Сеймур зажимает уши, но рев пожирает свет.

Школьный психолог мисс Слаттери говорит, это может быть нарушение обработки сенсорной информации, или синдром дефицита внимания и гиперактивность, или какое-то их сочетание. Мальчик еще слишком маленький. И она не диагност. Но его крики пугают других детей, и директор Джексон велел Сеймуру в пятницу не приходить в школу, и Банни надо как можно скорее обратиться к дефектологу.

Банни трет переносицу:

– Это бесплатно?

Менеджер Стив из «Вэгон уил» говорит, ага, Банни, бери ребенка на работу, если хочешь, чтобы тебя уволили, так что в пятницу утром она снимает с плиты ручки, ставит на кухонный стол пачку «Чириос» и включает DVD со «Старбоем» на повтор.

– Опоссум?

На экране «Магнавокса» Старбой в сияющем костюме спрыгивает из темноты.

– Тронь уши, если ты меня слушаешь.

Старбой находит семью броненосцев, которая запуталась в сети. Сеймур трогает уши.

– Когда таймер микроволновки покажет ноль-ноль-ноль, я вернусь домой и проверю, как ты. Хорошо?

Старбою нужна помощь. Пора звать Верного Друга.

– Ты же никуда не уйдешь?

Он кивает. «Понтиак» уезжает по Аркади-лейн. Сова Верный Друг выплывает из мультипликационной ночи. Старбой светит, Верный Друг клювом разрывает сеть. Броненосцы выбираются; Верный Друг объявляет, что лучшие друзья – это те, кто приходит на выручку в беде. И тут крышу дома начинает скрести кто-то вроде гигантского скорпиона.

Сеймур слушает в своей комнате. Слушает у входной двери. У сдвижной двери кухни. Звук не прекращается. *Тук-скрр-скрр*.

На экране «Магнавокса» всходит большое желтое солнце. Верному Другу пора лететь обратно в гнездо. Старбою пора лететь обратно на Небосвод. «Лучшие друзья», – поет Старбой…

---

[9] Мексиканское блюдо: мясо с овощами, завернутое в лепешку-тортилью.

…Мы всегда вдвоем,
Я в небесах,
А ты в сердце моем.

Когда Сеймур открывает сдвижную дверь, с крыши взлетает сорока и садится на яйцевидный валун на заднем дворе. Опускает хвост и стрекочет.

Птица. Вовсе не скорпион.

Ночью сильный ветер разогнал дым, и утро ясное. Чертополох кивает лиловыми головками, всюду гудят насекомые. Тысячи сосен подступают к участку, взбираются на горный склон и качаются, как будто дышат. Вдох-выдох. Вдох-выдох. До яйцевидного валуна девятнадцать шагов через высокую, по пояс, траву, и к тому времени, как Сеймур на него влезает, сорока уже перелетела на ветку у края леса. На валуне пятна лишайника – бежевые, зеленые, ярко-оранжевые. Здесь все такое удивительное. Огромное. Живое. Происходит у тебя на глазах.

В двадцати шагах от валуна Сеймур натыкается на провисшую колючую проволоку между двумя столбиками. За спиной у него сдвижная дверь, кухня, дедушкина микроволновка; впереди – три тысячи акров леса, принадлежащего техасской семье, которую никто в Лейкпорте в глаза не видел.

Чьюк-юк, чьюк-юк, зовет сорока.

Так легко нырнуть под проволоку.

Под деревьями свет совершенно другой: новый мир. С веток свисают бороды лишайника, сверху проглядывают кусочки голубого неба. Вот муравейник в половину Сеймурова роста, вот гранитная глыба размером с мини-фургон, вот кусок коры, который точно подходит к его груди, как доспех Старбоя.

На половине пути от дома к вершине холма Сеймур выходит на поляну, обрамленную пихтами. Посередине поляны мертвая сосна тянется к небу, словно из-под земли лезет многопалая рука великаньего скелета. Сверху планируют десятки сорванных ветром двойных иголочек. Сеймур ловит одну, воображает, что это человек с крохотным тельцем и длинными тонкими ногами. Иголочный человечек идет через поляну на цыпочках.

Под мертвым деревом Сеймур строит Иголочному человечку домик из коры и веточек. Он укладывает внутрь матрасик из травы, когда в десяти футах над головой раздается крик привидения.

И-и? И-и-ит?

Каждый волосок у Сеймура на руках встает дыбом. Сова так слилась с деревом, что Сеймур лишь после третьего крика находит ее глазами, а когда находит, то ахает.

Она моргает три раза, четыре. В тени, у самой коры, сова исчезает, стоит ей закрыть глаза. Потом они открываются, и она материализуется снова.

Она ростом с Тони Молинари. Глаза у нее цвета теннисных мячиков. Она смотрит прямо на Сеймура.

Сеймур смотрит вверх от подножия мертвого дерева, а сова смотрит вниз, и лес дышит, и что-то происходит: рев – беспокойное рокотание, которое Сеймур слышит краем уха каждую минуту, когда не спит, – умолкает.

«Здесь есть волшебство, – как будто говорит сова. – Надо только сидеть, дышать и ждать, и оно тебя найдет».

Он сидит, дышит и ждет, а Земля за это время пролетает еще тысячу километров по орбите. Узлы, что всю жизнь были затянуты внутри мальчика, развязываются мало-помалу.

Когда Банни его находит, в волосах у нее кора, на форменной рубашке – сопли. Она рывком поднимает его на ноги, и Сеймур не знает, сколько времени прошло – минута, месяц или десять лет. Сова исчезает как дым. Сеймур оборачивается глянуть, куда она улетела, но

ее нет, она всосалась в глубину леса, а Банни трогает его волосы и плачет навзрыд: «…собиралась звонить в полицию, почему ты не сидел дома?..», бранится нехорошими словами, тащит его домой через лес, рвет свои джинсы о колючую проволоку; микроволновка в кухне пищит без остановки, Банни говорит по телефону, менеджер Стив ее уволил, она бросает трубку на оранжевый диванчик, сжимает Сеймуру плечи так, что он не может вырваться, говорит: «Я думала, мы с тобой стараемся вместе», говорит: «Я думала, мы команда».

Ночью, когда Банни ложится спать, Сеймур на цыпочках подходит к окну, распахивает раму, высовывает голову в темноту. Ночь источает резкий луковый запах. Кто-то тявкает, кто-то повторяет: *чив-чив-чив*. Лес прямо здесь, сразу за колючей проволокой.

– Верный Друг, – говорит Сеймур. – Я назову тебя Верный Друг.

Зено

Внизу взрослые в тяжелой обуви топчутся по гостиной миссис Бойдстен. Пять игрушечных солдатиков фирмы «Плейвуд пластикс» выбираются из жестяной коробки. Солдатик 401 ползет с винтовкой к изголовью; 410 тащит противотанковое орудие через складку на покрывале; 413 оказался слишком близко к батарее, и у него оплавилось лицо.

Пастор Уайт с усилием взбирается по лестнице, неся тарелку ветчины и крекеров. Отдуваясь, садится на маленькую кровать. Берет солдатика 404, того, который вскинул винтовку над головой, и говорит, что не должен рассказывать это Зено, но в тот день, когда отец Зено погиб, он в одиночку отправил на тот свет четверых япошек.

У основания лестницы кто-то спрашивает: «Гуадалканал – это где?», а другой голос отвечает: «Я этих названий не различаю», и снежинки проплывают за окном. На долю секунды мама Зено спускается с неба в золотой ладье, и, пока все смотрят в обалдении, они с Афиной забираются к ней, и мама везет их в Небесный Город, где лазурное море разбивается о черные скалы, а на каждом дереве висят теплые от солнца лимоны.

И вот он уже снова на латунной кровати, и пастор Уайт, от которого воняет лосьоном для волос, волочет солдатика 404 по покрывалу, а отец уже никогда не вернется.

– Самый настоящий всамделишный герой, – говорит пастор. – Вот кто был твой папа.

Позже Зено с тарелкой на цыпочках спускается по лестнице и выскальзывает через заднюю дверь. Из кустов можжевельника, прихрамывая, выбирается продрогшая Афина. Он кормит ее крекерами и ветчиной, а она смотрит на него с беспримесной благодарностью.

Снег падает большими слипшимися хлопьями. Голос в голове шепчет: ты один и, наверное, сам в этом виноват. Смеркается. В состоянии, похожем на транс, Зено выходит из двора миссис Бойдстен, идет по Мишшн-стрит до перекрестка с Лейк-стрит, перелезает через насыпь и пробивается через сугробы, набирая снега в купленные для похорон ботинки, пока не выходит на край озера.

Конец марта, и посредине озера, в полумиле от берега, видны первые темные проталины. Сосны слева высятся огромной колышущейся стеной.

На льду снега меньше – здесь он сухой и его уносит ветром. С каждым шагом Зено все явственнее ощущает под ногами темную толщу воды. Тридцать шагов, сорок. Обернувшись, он уже не видит лесопилки, поселка, даже деревьев на берегу. Его следы замело; он в белой вселенной вне остального мира.

Еще шесть шагов. Семь, восемь, стоп.

Со всех сторон одинаковое ничто: пазл из подброшенных в воздух чисто-белых кусочков. Зено как будто балансирует на краю чего-то. Позади Лейкпорт: продуваемая сквозняками школа, улицы в грязном снежном месиве, библиотека, миссис Бойдстен с ее керосиновым

дыханием и фарфоровыми детьми. Там он пендос, овцетрах, зеро, нуль – сирота-недомерок с внешностью приезжего и дурацким именем. А что впереди?

Из белизны, приглушенный снегом, долетает почти ультразвуковой треск. Что там за сыплющимися хлопьями? Царский дворец феакиян? Бронзовые стены и серебряные притолоки, виноград, грушевые сады и звенящие ручьи? Зено напрягает глаза, но они как будто смотрят наоборот: в белую вихрящуюся полость внутри его головы. «Что бы от нас ни требовалось, – сказала жена президента, – я уверена, мы с этим справимся». Но что от него требуется и как с этим справиться без отца?

Еще чуть-чуть. Он сдвигает ботинок на полшага, и через секунду во льду появляется вторая трещина. Она вроде бы начинается от середины озера, проходит точно под его ногами и распространяется дальше, к поселку. Тут что-то тянет Зено за штаны, как будто он отошел на длину поводка и теперь веревка тащит его обратно. Он оборачивается: это Афина вцепилась зубами в его брючный ремень.

И только тут тело наливается страхом, тысячи змей ползают под кожей. Он оступается, силится не дышать, силится стать как можно легче, а колли ведет его, шаг за шагом, назад по льду в поселок. Зено выбирается на берег, проламывается через сугробы, переходит на другую сторону Лейк-стрит. В ушах стучит, его колотит дрожь. Афина вылизывает ему руку, а в освещенных окнах дома миссис Бойдстен взрослые стоят в гостиной, и рты у них шевелятся, как у деревянных щелкунчиков.

Подростки из числа прихожан чистят от снега дорогу к церкви. Мясник бесплатно дает им обрезки и кости. Сестры Каннингем переходят от мифов к более веселой литературе – греческим комедиям. Они выбрали Аристофана, который, по их словам, придумал самые замечательные миры. Сестры читают Зено «Облака», потом «Женщин в народном собрании», потом «Птиц» – про двух стариков, которые, устав от творящихся на земле безобразий, отправились жить с птицами в небесный город, но обнаружили, что притащили туда все свои неприятности. Афина дремлет перед шкафом со словарями. Вечерами миссис Бойдстен пьет «Олд форестер», курит «Кэмел» одну за другой, и они играют в криббедж[10], двигая колышки по доске. Зено сидит прямо, держа свои карты аккуратным веером, и думает: я все еще в этом мире, но есть другой, совсем рядом.

Четвертый класс, пятый класс, конец войны. В Лейкпорт приезжают отдыхающие, катаются по озеру на лодках. Папы, мамы, детишки – счастливые семьи. На мемориале в центре поселка выбили отцовское имя, Зено дали в руки флаг, и кто-то сказал, герои то, герои се. После за ужином пастор Уайт сидит во главе стола в доме у миссис Бойдстен и размахивает индюшачьей ножкой.

– Альма, Альма, что получится, если скрестить гомосапиенса с гномиком?

Миссис Бойдстен перестает жевать. На зубах у нее петрушка.

– Гомик!

Она хихикает. Пастор Уайт улыбается в бокал. Двести фарфоровых детей смотрят на Зено широко открытыми глазами.

Ему двенадцать, когда сестры Каннингем подзывают его к библиотечной стойке и вручают ему книгу: «Воины Атлантиды», восемьдесят восемь полноцветных страниц. «Заказали с мыслью о тебе», – говорит старшая сестра, и уголки глаз у нее собираются морщинками, а вторая сестра штампиком проставляет в формуляре день возврата. Зено уносит книгу домой и

[10] Популярная в Англии и США карточная игра для двух игроков. Очки в криббедже считают с помощью специальной доски с отверстиями и колышками.

садится на маленькую латунную кровать. На первой странице принцессу похищают на берегу моря странного вида люди в бронзовых доспехах. Проснувшись, она обнаруживает себя пленницей в подводном городе под огромным стеклянным куполом. Жители города – те самые воины в золотых доспехах – это существа с перепончатыми ногами, заостренными ушами и жабрами на шее. Они носят золотые браслеты, у них мощные трицепсы, мускулистые ноги и выступы в паху. У Зено, когда он разглядывает картинки, в животе все трепещет.

Странные, красивые люди дышат под водой; между тонкими хрустальными башенками и высокими изогнутыми мостами их города проплывают длинные сверкающие субмарины. Пузыри поднимаются в столбах золотистого водного света. К десятой странице начинается война между морскими жителями и неуклюжими сухопутными людьми, которые пришли отвоевать свою принцессу. У сухопутных людей гарпуны и мушкеты, морские сражаются трезубцами, и мышцы у подводных людей длинные и красивые, и у Зено жар расходится по всему телу. Он не может отвести глаз от красных жаберных щелей на их шеях и длинных мускулистых рук и ног. На последних страницах битва разгорается все яростнее, и как раз когда на стеклянном куполе появляется трещина, угрожающая всем в городе, книга сообщает: «Продолжение следует».

Три дня он держит «Воинов Атлантиды» в ящике стола, где книга светится как что-то опасное, пульсируя в его мозгу, даже когда он в школе: радиоактивная, противозаконная. Только убедившись, что миссис Бойдстен спит и в доме все тихо, Зено решает заглянуть дальше. Разозленные моряки крушат защитный купол гарпунами, изящные подводные воины с мускулистыми ляжками и трезубцами в руках выплывают в своих темно-красных одеяниях. Во сне они стучат в окно его спальни, но когда он открывает рот, чтобы заговорить, его захлестывает вода, и он просыпается с чувством, что провалился под лед.

Заказали с мыслью о тебе.

На четвертую ночь Зено трясущимися руками несет «Воинов Атлантиды» вниз по скрипящей лестнице, мимо лиловых занавесок и кружевных дорожек на столах, мимо вазы с сухими лепестками, распространяющими тошнотворный аромат, сдвигает экран камина и сует книгу в огонь.

Стыд, уязвимость, страх – Зено полная противоположность отцу. Он редко бывает в центре поселка, всегда старательно обходит библиотеку. Если замечает кого-нибудь из сестер Каннингем возле озера или в магазине, быстро поворачивает, опускает голову, прячется. Они знают, что Зено не вернул книгу, уничтожил общественную собственность. Они догадаются, почему он так сделал.

В зеркале подбородок у него слишком маленький, безвольный. Ноги слишком короткие, и он их стесняется. Может, в далеком сияющем городе его бы приняли как своего. Может, там бы он стал таким, каким хочет стать, – новым, непохожим на себя нынешнего.

Иногда по пути в школу или даже когда он просто встает с постели, его настигает чувство, от которого сводит живот: будто все столпились вокруг него и смотрят. Их рубашки в крови, лица осуждающие. Голубой, говорят они, тыча в него пальцами. Гомик.

Зено шестнадцать, он подрабатывает учеником в мастерской «Энсли тай энд ламбер», когда семидесятипятитысячная Народная армия Северной Кореи переходит 38-ю параллель и начинается корейская война. К августу прихожане, которые собираются по воскресеньям у миссис Бойдстен за столом, жалуются на новое поколение американских солдат. Молодые избалованы, выросли в тепличных условиях, не приучены к трудностям, сетуют гости, и горящие кончики их сигарет выписывают над курицей оранжевые круги.

– Не такие храбрые, как твой папа, – говорит пастор Уайт и демонстративно хлопает Зено по плечу.

Зено слышит, как где-то далеко открывается сдвижная дверь.

Корея: зеленый отогнутый большой палец на школьном глобусе. Самое далекое место, куда можно сбежать из Айдахо.

Каждый вечер после смены в мастерской Зено совершает пробежку вдоль озера. Три мили до поворота на Вест-Сайд-роуд, три мили обратно, шлепая под дождем. Афина, с заметной сединой на морде, но все такая же отважная, трусит следом. Иногда гибкие, сверкающие воины Атлантиды бегут рядом с ним, словно ток по проводам, и тогда он бежит быстрее, пытаясь оставить их позади.

В свой семнадцатый день рождения он просит у миссис Бойдстен разрешения взять ее старый «бьюик» для поездки в Бойсе. Она прикуривает новую сигарету от старой. Тикают часы с кукушкой, фарфоровые дети толпятся на полке, три разных Иисуса смотрят с трех разных крестов. Позади нее, за кухонным окном, Афина свернулась под живой изгородью. За милю отсюда мышь дремлет в домике, где Зено с отцом провели свою последнюю лейкпортскую зиму. Сердечные раны затягиваются, но остаются рубцы.

На серпантине по пути вниз его дважды укачивает. На призывном пункте врач прикладывает к его груди холодную чашечку стетоскопа, облизывает карандаш и ставит галочки во всех строчках формуляра. Через пятнадцать минут он рядовой-рекрут Зено Нинис.

Сеймур

Дом в полной собственности Банни, но от дедушки осталась ипотека за участок – $558 в месяц. Еще газ + электричество + коммуналка + вывоз мусора + кредит «Блю-ривер-банку» за матрасы + страховка за «понтиак» + мобильный + расчистка снега, чтобы выезжать на дорогу + $2652.31 просроченного кредита на карте + медицинская страховка, ха-ха, шутка, медицинская страховка ей не по карману.

Она нашла работу в «Аспен лиф лодж» – уборка в комнатах в любое удобное для нее время, $10.65 в час, и берет обеденные смены в «Пиг-энд-панкейк» – $3.45 в час плюс чаевые. Если никто не заказывает панкейки, мистер Беркетт отправляет ее чистить дорожку, а за это никто чаевых не дает.

Каждый будний день шестилетний Сеймур сам вылезает из школьного автобуса, сам идет по Аркади-лейн, сам отпирает входную дверь. Съедает вафлю, смотрит «Старбоя» и не выходит из дому. Ты меня слушаешь, Опоссум? Можешь потрогать уши? Можешь положить руку на сердце?

Он трогает уши. Кладет руку на сердце.

И все равно, войдя в дом, какая бы ни была погода, сколько бы ни нанесло снега, он бросает рюкзак, выскальзывает в сдвижную дверь, ныряет под колючую проволоку и поднимается по склону к поляне с большой мертвой сосной.

Иногда он лишь ощущает присутствие, покалывание в затылке. Иногда различает в лесу тихое, гулкое «у-ух». Иногда ничего. Но в лучшие дни Верный Друг на месте, дремлет на том самом заляпанном пометом суку возле ствола, где Сеймур его впервые увидел, в десяти футах над землей.

– Привет.

Верный Друг смотрит на Сеймура; ветер ерошит перья на совином лице, во внимательном птичьем взгляде – древнее как мир понимание.

Сеймур говорит:

– Дело не столько в парте, дело в том, что у Мии стикеры с запахом, и после перемены, когда Уэсли и Дункан все потные…

Он говорит:

– Они называют меня ненормальным. Боятся меня.

Верный Друг моргает в вечернем свете. Голова у него размером с волейбольный мяч, а вся сова – будто слившиеся в единую форму души десяти тысяч деревьев.

Как-то ноябрьским вечером Сеймур спрашивает у Верного Друга, вздрагивает ли он тоже от резких звуков, и бывает ли у него чувство, будто он слышит слишком много, и хочется ли ему иногда, чтобы весь мир был тихий, как сейчас эта поляна, где миллионы серебристых снежинок бесшумно летят в воздухе? И тогда сова спархивает с ветки, летит через поляну и опускается на дерево с дальней стороны.

Сеймур идет следом. Сова бесшумно скользит между деревьями, к дому, и время от времени ухает, как будто зовет его идти за собой. Когда Сеймур добирается до заднего двора, сова сидит на крыше дома. Она громко, гулко ухает под снегопадом, затем поворачивает голову к старому дедулиному сараю. Потом смотрит на Сеймура. Снова на сарай.

– Ты хочешь, чтобы я туда вошел?

В темноте забитого до отказа сарая Сеймур находит дохлого паука, советский противогаз, ржавый ящик с инструментами, а на крюке над верстаком – стрелковые наушники. Когда он их надевает, мир погружается в тишину.

Сеймур хлопает в ладоши, трясет кофейную жестянку с подшипниками, стучит молотком – все звуки приглушеннее, лучше. Он выходит на улицу и смотрит на сову, которая попрежнему сидит на коньке крыши:

– Это? Ты про них мне хотел сказать?

Миссис Онегин разрешает ему носить наушники на переменах, во время завтрака и на тихом уроке. После того как Сеймур пять дней подряд не получает ни одного замечания, она разрешает ему сесть за другую парту.

Психолог мисс Слаттери вознаграждает Сеймура пончиком. Банни покупает ему новый диск со «Старбоем».

Жизнь становится лучше.

Всякий раз, как мир делается слишком громким, слишком назойливым, всякий раз, как рев подбирается слишком близко, Сеймур закрывает глаза, надевает наушники и мысленно переносится на поляну в лесу. Пять сотен пихт раскачиваются на ветру, иголочные человечки планируют в воздухе, мертвая сосна белеет под звездами, будто огромный скелет.

Здесь есть волшебство.

Надо только сидеть, дышать и ждать.

Сеймур выдерживает утренник на День благодарения, выдерживает рождественский музыкальный праздник, крики и визги Валентинова дня. Он включает в свой рацион готовые штрудели для тостера, рисовые хрустики с корицей и белые сухарики. Он разрешает Банни каждый второй четверг мыть ему голову без всякого дополнительного вознаграждения. Он учит себя не вздрагивать, когда Банни в машине выстукивает ногтями по рулю.

Как-то солнечным весенним днем миссис Онегин ведет первоклассников по лужам талого снега к голубому дому с покосившимся крыльцом на углу Лейк-стрит и Парк-стрит. Остальные дети бегом взлетают по лестнице на второй этаж; веснушчатая библиотекарша находит Сеймура одного в разделе взрослой научно-популярной литературы. Чтобы ее услышать, ему приходится сдвинуть один наушник.

– Какого размера, ты говоришь? А похоже, будто у нее галстук-бабочка?

Она снимает с полки определитель и на первой же странице показывает Сеймуру Верного Друга, летящего с зажатой в левой лапе мышью. На следующей фотографии снова Верный Друг: сидит на суку над заснеженным лугом.

У Сеймура сердце взлетает вверх.

– «Бородатая неясыть, – читает библиотекарша. – Самая крупная сова в мире. Называется также большой серой совой, пепельной совой, совой-привидением и Призраком Севера». – Она улыбается ему из песчаной бури веснушек. – Тут написано, что размах крыльев у нее может быть до пяти футов. Она слышит сердцебиение полевки сквозь двухметровый слой снега. Большой лицевой диск помогает ей собирать звуки: это как когда ты прикладываешь ладонь к уху.

Она заводит ладони за уши. Сеймур снимает наушники и повторяет ее жест.

В то лето каждый день, как только Банни уезжает в «Аспен лиф лодж», Сеймур насыпает «Чириос» в мешочек, выходит в сдвижную дверь, минует яйцевидный валун и пролезает под колючей проволокой.

Он делает фрисби из кусков коры, прыгает с шестом через лужи, скатывает со склона камни. Он подружился с хохлатой желной. В лесу есть живая сосна высотой со школьный автобус, поставленный на попа, а на вершине у нее – скопиное гнездо. В осиннике листья шуршат, как дождь по воде. Через каждые день-два Верный Друг сидит у себя на ветке дерева-скелета, моргает, озирая свои владения, словно доброе божество, и вслушивается так, как не умеет никто другой.

В погадках, которые сова отрыгивает на иголки, Сеймур находит мышиные позвонки, беличьи челюсти и поразительное количество черепов от полевок. Кусок синтетической веревки. Зеленоватые яичные скорлупки. Раз – утиную ногу. В сарае на верстаке мальчик собирает химерические скелеты: трехголовых полевок-зомби, восьминогих паукобурундуков.

Банни находит клещей на его футболках, репьи в волосах, грязь на ковре, она наполняет ванну и говорит: «Когда-нибудь меня из-за тебя посадят», а Сеймур переливает воду из одной бутылки из-под пепси в другую, и Банни поет песню Вуди Гатри[11] и засыпает на коврике в ванной, прямо в форменной рубашке «Пиг-энд-панкейк» и больших черных «рибоках».

Второй класс. Из школы Сеймур идет в библиотеку, вешает наушники на шею и садится за столик позади шкафа с аудиокнигами. Пазлы с совами, раскраски с совами, компьютерные игры с совами. Когда у веснушчатой библиотекарши, которую зовут Марианной, выдается свободная минутка, она читает ему вслух, объясняя по ходу чтения непонятное.

Научно-популярная литература 598.27:

Бородатые неясыти предпочитают селиться в лесу с опушками, где есть высокие точки для наблюдения за окрестностями и много полевок.

«Журнал современной орнитологии»:

Бородатые неясыти так осторожны и пугливы, что мы по-прежнему очень мало о них знаем. Тем не менее выясняется, что они служат звеньями в сети отношений между грызунами, деревьями, травами и даже грибными спорами. Сеть эта настолько сложна и многомерна, что ученые лишь начинают понимать крохотную ее долю.

[11] *Вудро Уилсон Гатри* (1912–1967) – американский фолк- и кантри-певец и музыкант, автор множества народных, детских и протестных песен, популярных в США и во всем мире.

Научно-популярная литература 598.95:

> Лишь примерно одно из пятнадцати яиц бородатой неясыти дает жизнь взрослой птице. Вылупившихся птенцов едят вороны, куницы, черные медведи и филины. Птенцы часто умирают от голода. Поскольку бородатым неясытям нужны большие охотничьи угодья, они особенно страдают от человеческой деятельности: скот вытаптывает луга, уменьшая поголовье полевок, пожары уничтожают места гнездования; неясыти едят грызунов, съевших отраву, гибнут под колесами машин, врезаются в провода.

– Давай прикинем. На этом сайте написано, что сейчас в США живет примерно одиннадцать тысяч сто бородатых неясытей. – Марианна берет настольный калькулятор. – Скажем, американцев плюс-минус триста миллионов. Набери тройку, потом восемь нулей. Молодец, Сеймур. Помнишь значок деления? Один, один, один. Нажимай.

27 027.

Оба смотрят на число, пытаясь его осознать. На каждые 27 027 американцев – одна бородатая неясыть. На каждые 27 027 Сеймуров – один Верный Друг.

За столиком позади шкафа с аудиокнижками он пытается это нарисовать. Овал с двумя глазами посередине – Верный Друг. Теперь надо поставить рядом 27 027 точек – людей. Сеймур доходит примерно до семисот. Рука болит, карандаш стерся, и пора идти домой.

Третий класс. Он получает девяносто три балла за контрольную по десятичным дробям. Включает в свой рацион снеки «Слим Джим», соленые крекеры и макароны с сыром. Марианна угощает его своей диетической колой. Банни говорит: «Ты такой молодец, Опоссум», и ее увлажнившиеся глаза блестят в свете «Магнавокса».

Как-то октябрьским днем Сеймур идет в наушниках из школы. На Аркади-лейн, где еще утром ничего не было, стоит на двух столбах большой овальный щит. «ЭДЕМ-НЕДВИЖИМОСТЬ» – написано на щите.

СКОРО!
ТАУНХАУСЫ И КОТТЕДЖИ
ПО ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ПРОЕКТАМ
ДОСТУПНЫ ПРЕМИУМ-УЧАСТКИ

На картинке олень с ветвистыми рогами пьет из подернутого дымкой озера. Дорога за щитом выглядит как всегда: пыльные колдобины, кусты ежевики по обеим сторонам горят осенним багрянцем.

Над дорогой по низкой параболе пролетает дятел и пропадает с глаз. Где-то кричит лесная куница. Качаются лиственницы. Сеймур смотрит на щит с объявлением. Снова на дорогу. В его груди поднимается черный ужас.

Глава четвертая
Фессалия, страна волшебства

Антоний Диоген, «Заоблачный Кукушгород», лист Δ

Истории о комическом персонаже, который отправляется за тридевять земель на поиски волшебства, присутствуют в фольклоре практически всех культур. Хотя несколько листов манускрипта, возможно повествующих о пути Аитона в Фессалию, утрачены, из листа Δ явствует, что он туда добрался. Перевод Зено Ниниса.

…Я хотел больше разузнать про волшебство и потому направился прямиком на городскую площадь. Эти голуби под навесом уж не волшебники ли в пернатом обличье? Выйдет ли сейчас кентавр – произнести перед торговцами речь? Я остановил трех девушек с корзинами и спросил, где найти могущественную волшебницу, что превратит меня в птицу: может быть, храброго орла или мудрую сильную сову.

Одна сказала:

– Вот наша Кандида, она умеет извлекать солнечный свет из дынь, превращать камни в кабанов и срывать звезды с неба, но она не сможет превратить тебя в сову.

Две другие захихикали.

Она продолжала:

– А вот Мероэ, она умеет останавливать реки, обращать горы в пыль и стаскивать богов с трона, но и она не сможет превратить тебя в орла.

И все трое согнулись от хохота.

Я, не отчаявшись, отправился в гостиницу. С наступлением темноты Палестра, служанка хозяина, позвала меня в кухню. Она шепнула, что жена хозяина держит у себя в спальне на верхнем этаже всевозможные колдовские приспособления, птичьи когти, рыбьи сердца и даже мясо покойников.

– Если в полночь ты заглянешь в ту комнату через щелку в двери, – сказала служанка, – возможно, твоя мечта исполнится.

«Арго»
55–58-й годы миссии

Констанция

Ей четыре года. В каюте № 17 на расстоянии вытянутой руки от нее мама ходит в своем «шагомере», глаза скрыты золотым обручем визера.

– Мам…

Констанция трогает маму за колено. Тянет за комбинезон. Ответа нет.

По стене взбирается крохотное черное существо, меньше, чем ноготь у Констанции на мизинце. Антенны подрагивают, суставчатые ноги вытягиваются, сгибаются, снова вытягиваются. Зазубренные края его жвал напугали бы ее, не будь они такие маленькие. Она ставит палец на пути существа. Оно забирается на палец, пересекает ладонь, перебирается на тыльную сторону. Невероятная сложность его движений завораживает.

– Мам, глянь.

«Шагомер» жужжит и поворачивается. Мама, целиком уйдя в другой мир, делает пируэт, затем разводит руки, как будто парит.

Констанция прижимает ладонь к стене. Существо слезает с нее и продолжает свой путь, взбирается выше папиной койки и пропадает там, где стена сходится с потолком.

Констанция смотрит на то место, где только что было существо. У нее за спиной мама взмахивает руками.

Муравей. На «Арго». Все взрослые соглашаются, что такое невозможно. *Не тревожься,* говорит маме Сивилла. *Детям нужны годы, чтобы научиться отличать вымысел от реальности. У некоторых этот процесс занимает больше времени, чем у других.*

Ей пять. Все, кому десять и меньше, сидят вокруг классного портала. Миссис Чэнь говорит: «Сивилла, покажи, пожалуйста, бету Oph[12]-два», и перед ними материализуется черно-зеленая сфера три метра в диаметре.

– Дети, вот эти коричневые пятна – кремнеземные пустыни на экваторе, и мы полагаем, что в более высоких широтах растут лиственные леса. Мы предполагаем, что океаны на полюсах, здесь и здесь, замерзают зимой…

Несколько детей тянутся потрогать вращающуюся сферу, но Констанция спрятала руки под себя. Зеленые пятна красивые, а вот черные – пустые и зазубренные по краям – ее пугают. Миссис Чэнь объяснила, что это просто те области беты Oph-2, которые еще не закартированы, что планета пока слишком далеко и, когда они подлетят ближе, Сивилла получит более детальные изображения. И все равно Констанции они кажутся безднами, в которые можно упасть и уже никогда не выбраться.

Миссис Чэнь спрашивает:

– Планетарная масса?

– Один запятая двадцать шесть земной, – наизусть отвечают дети.

Джесси Ко тычет Констанцию в коленку.

– Содержание азота в атмосфере?

---

[12] *Oph* – краткое обозначение созвездия Змееносца (от его латинского названия *Ophiuchus* (Офиух), которое, в свою очередь, происходит от греческого Ὀφιοῦχος).

– Семьдесят шесть процентов.

Джесси Ко тычет Констанцию в бедро.

– Кислорода?

– Констанция, – шепчет Джесси, – что круглое, горит и завалено мусором?

– Двадцать процентов, миссис Чэнь.

– Отлично!

Джесси почти ложится Констанции на колени и шипит ей в ухо:

– Земля!

Миссис Чэнь смотрит на них. Джесси выпрямляется. У Констанции вспыхивают щеки. Изображение беты Oph-2 вращается над порталом: черное, зеленое, черное, зеленое. Дети поют:

Может, тебе год,
А может, сто два,
Но только все вместе,
Все вместе дружно,
Мы долетим до беты Oph-два.

«Арго» – межзвездный корабль поколений. Он имеет форму диска. Ни окон, ни лестниц, ни пандусов, ни лифтов. Внутри живут восемьдесят шесть человек. Шестьдесят родились на борту. Из остальных двадцать три, включая отца Констанции, еще помнят Землю. Новые носки выдают каждые два года миссии, новые комбинезоны – каждые четыре. Шесть двухкилограммовых пакетов муки достают из провиантского отсека первого числа каждого месяца.

Мы счастливцы, говорят взрослые. У нас есть чистая вода, мы выращиваем свежую еду, мы никогда не болеем, у нас есть Сивилла, у нас есть надежда. Если тщательно распределять, нам ничего не понадобится сверх того, что у нас есть. Все задачи, которые мы не можем решить сами, решит за нас Сивилла.

Главное, о чем мы должны заботиться, говорят взрослые, – это стены. За ними смерть – космическое излучение, невесомость, 2,73 кельвина. За три секунды по ту сторону стены твои руки и ноги раздует вдвое. Жидкость на языке и глазных яблоках вскипит, молекулы азота в крови слипнутся. Ты задохнешься. Потом превратишься в лед.

Констанции шесть с половиной, когда миссис Чэнь приводит ее, Рамона и Джесси Ко увидеть Сивиллу собственными глазами. Они идут по дугообразному коридору, мимо дверей в каюты № 24, № 23 и № 22, к центру корабля, и входят в дверь с табличкой «Гермоотсек № 1».

– Очень важно не занести сюда ничего, что может ей повредить, – говорит миссис Чэнь, – так что шлюз нас очистит. Зажмурьтесь, пожалуйста.

Внешняя дверь загерметизирована, объявляет Сивилла. *Начинаю обеззараживание*.

Откуда-то из глубины стены доносится звук, как будто раскручиваются лопасти вентилятора. Холодный ветер дует через комбинезон Констанции, по другую сторону век трижды вспыхивает свет. Шипит, открываясь, внутренняя дверь.

Они входят в цилиндрический отсек четыре метра в диаметре, пять в высоту. В центре висит внутри своей трубы Сивилла.

– Какая высокая, – шепчет Джесси Ко.

– Как хренильярд золотых волосков, – шепчет Рамон.

– Этот гермоотсек, – объясняет миссис Чэнь, – имеет автономные механическую, терморегуляционную и фильтрационную системы, отдельные от остального «Арго».

Добро пожаловать, произносит Сивилла, и янтарные точечки бегут по ее нитям.

– Ты прекрасно сегодня выглядишь, – говорит миссис Чэнь.

Я очень люблю гостей, отвечает Сивилла.

– Дети, здесь внутри заключена вся накопленная мудрость человеческого рода. Каждая когда-либо нарисованная карта, каждая перепись населения, каждая опубликованная книга, каждый футбольный матч, каждая симфония, каждый выпуск каждой газеты, геномы более чем миллиона видов – все, что мы можем вообразить, и все, что нам может когда-либо понадобиться. Сивилла – наш хранитель, лоцман и опекун. Она прокладывает курс, следит за нашим здоровьем и сберегает человеческое наследие от порчи и гибели.

Рамон дышит на стекло и рисует на затуманенной поверхности букву «Р».

Джесси Ко говорит:

– Когда я вырасту и начну ходить в библиотеку, я отправлюсь прямиком в игровой отдел и облечу гору Цветов и плодов.

– Я буду играть в «Мечи Сребровоина», – говорит Рамон. – Зек сказал, там двадцать тысяч уровней.

Констанция, спрашивает Сивилла, *а ты что будешь делать, когда придешь в библиотеку?*

Констанция оборачивается через плечо. Дверь, через которую они вошли, подогнана так плотно, что кажется, будто там сплошная стена.

– Что такое порча и гибель? – спрашивает Констанция.

Потом ей начинают сниться кошмары. Когда после третьей еды убирают со стола и другие семьи уходят в свои каюты, папа возвращается к своим растениям на ферме № 4, а Констанция с мамой идут в каюту № 17 и разбираются с комбинезонами, которые ждут своей очереди рядом с маминой швейной машинкой: в эту корзину кладем испорченные молнии, в эту – лоскутки, в эту – обрывки ниток. Все идет в дело, ничего не выбрасывается. Они чистят зубы, расчесывают волосы, мама принимает сонную таблетку, целует Констанцию в лоб, и они забираются каждая на свою койку – мама на нижнюю, Констанция на верхнюю.

Стены из лиловых становятся серыми, потом черными. Констанция старается дышать, старается держать глаза открытыми.

И все равно они приходят. Звери с блестящими бритвенно-острыми зубами. Рогатые демоны, пускающие слюну. Безглазые белые личинки, которые копошатся в ее матрасе. Хуже всего длинные тощие людоеды в коридоре: они выламывают дверь в каюту, лезут по стенам, прогрызают потолок. Констанция, вцепившись в койку, видит, как маму засасывает в бездну, она пытается моргнуть, но глаза кипят, пытается крикнуть, но язык превратился в лед.

– Откуда у нее это? – спрашивает мама Сивиллу. – Нас же отбирали за умение мыслить ясно. Мы как раз те, кто умеет подавлять фантазии.

Сивилла отвечает: *Иногда генетика подбрасывает нам неожиданности*.

– Вот и чудесно, – говорит папа.

Сивилла добавляет: *Она это перерастет*.

Ей семь лет и еще три четверти года. Светодень приглушается, мама принимает сонную таблетку, Констанция залезает на свою койку. Пальцами держит глаза открытыми. Считает от нуля до ста и обратно до нуля.

– Мам?

Молчание.

Она спускается по лесенке мимо спящей мамы и выходит в коридор, таща за собой одеяло. В столовой двое взрослых ходят в «шагомерах», на глазах у них визеры, в воздухе за ними мигает их завтрашнее расписание: «Светодень 110 тайцзы в атриуме библиотеки, Светодень 130 собрание биоинженеров». Констанция в одних носках крадется по коридору мимо туале-

тов № 1 и № 2, мимо закрытых дверей полудюжины кают и останавливается у двери со светящимися краями и табличкой «Ферма № 4».

Внутри пахнет травами и хлорофиллом. Фитолампы на тридцати разных уровнях светят на сто разных стеллажей, а все помещение снизу доверху наполняют растения: здесь рис, здесь капуста, бок-чой растет рядом с рукколой, петрушка над кресс-салатом над картошкой. Констанция ждет, когда привыкнут глаза, потом замечает отца на стремянке метрах в пяти от нее. Он опутан поливальными шлангами, голова в латуке.

Констанция уже довольно большая и понимает, что папина ферма не такая, как другие три. Там все аккуратно и систематично, а на ферме № 4 повсюду путаница датчиков и проводов, стеллажи развернуты как попало, в одном лотке растут разные виды, тимьян рядом с редиской рядом с морковкой. У папы из ушей торчат длинные седые волосы; он по крайней мере на двадцать лет старше, чем отцы всех других детей. Он вечно растит несъедобные цветы – просто посмотреть, какие они, и со своим смешным акцентом говорит про компостный чай. Папа утверждает, что может по вкусу определить, счастливо ли прожил свою жизнь латук, говорит, один только запах правильно выращенного нута переносит его за три зиллиона километров на поле в его родной Схерии.

Констанция пробирается через путаницу проводов и трогает папу за ногу. Он поднимает наглазную лупу и улыбается:

– Привет, малыш.

В его седой бороде застряли комочки земли, в волосах – листья. Он спускается со стремянки, закутывает Констанцию в одеяло и ведет туда, где из дальней стены торчат ручки тридцати морозильных ящиков.

– Так что такое семя? – спрашивает он.

– Семя – это маленькое спящее растение, коробочка, которая защищает растение, пока оно спит, и пища для него, когда оно проснется.

– Молодец, Констанция. И кого ты хочешь разбудить сегодня?

Она смотрит, думает, не спешит с выбором. Наконец тянет за четвертую ручку слева. От ящика идет пар. Внутри – сотни ледяных конвертиков из фольги. Констанция вытаскивает один из третьего ряда.

– *Pinus heldreichii*, – читает папа на конвертике. – Боснийская сосна. Хороший выбор. А теперь задержи дыхание.

Констанция набирает в грудь воздуха. Папа открывает конвертик, и на ладонь ему выпадает пятимиллиметровое семечко с бледно-коричневым крылышком.

– Боснийская сосна, – шепчет он, – может достигать тридцати метров в высоту и производить десять тысяч шишек в год. Она выдерживает лед и снег, сильные ветры, загрязнение воздуха. В этом семечке – целое огромное дерево.

Папа подносит семечко к ее губам и улыбается:

– Подожди.

Семечко как будто трепещет в предвкушении.

– Давай.

Констанция дует. Семечко взлетает. Отец и дочь смотрят, как оно парит между тесно стоящими стеллажами. Констанция теряет его из виду, потом замечает, как оно опускается среди огурцов.

Она берет его двумя пальцами и отрывает крылышко. Папа помогает ей проткнуть пальцем дырку в гелевой мембране свободного лотка. Она вдавливает туда семечко.

– Мы как будто укладываем его спать, – говорит папа, – а на самом деле будим.

Папины глаза под белыми кустистыми бровями сияют. Он устраивает Констанцию под аэропонным столом, залезает туда же сам, просит Сивиллу приглушить свет (растения едят свет, объясняет папа, но даже растения могут переесть). Она натягивает одеяло под подбо-

родок, прижимается головой к папиной груди и слушает, как бьется под комбинезоном его сердце, а в стенах гудят провода, и вода капает с тысяч воздушных корней, через ярусы растений, в канавки под полом – она пойдет на следующий полив, – и «Арго» пролетает еще десять тысяч километров через космическую пустоту.

– А ты расскажешь мне еще кусочек той истории, пап?

– Поздно, Цукини.

– Там, где колдунья превратилась в сову. Пожалуйста.

– Ладно, но только это.

– И где Аитон превратился в осла.

– Хорошо, но потом спать.

– Потом спать.

– И ты не расскажешь маме?

– Не расскажу. Обещаю.

Отец и дочь улыбаются – это их всегдашняя игра, и Констанция от предвкушения ерзает под одеялом, и вода капает с корней, как будто они с папой силою фантазии перенеслись в пищеварительный тракт огромного доброго животного.

Констанция говорит:

– Аитон пришел в Фессалию, страну волшебства.

– Правильно.

– Но не увидел ни оживших статуй, ни летающих над крышами волшебниц.

– Однако служанка в гостинице, где он остановился, – говорит папа, – сказала Аитону, что в эту самую ночь, если он встанет на колени перед дверью комнаты на самом верхнем этаже и заглянет в щелочку, он сможет увидеть волшебство. Аитон подкрался к двери и стал смотреть, как хозяйка дома зажгла лампу, нагнулась над сундуком с множеством стеклянных баночек и выбрала одну. Потом она разделась и натерлась мазью из баночки с головы до ног. Она взяла три кусочка благовония, бросила их в лампу, произнесла магические слова…

– А какие это были слова?

– Она сказала «чуфырла-муфырла», «абра-канделябра» и «колики-елики».

Констанция смеется:

– Прошлый раз ты говорил «мамба-шаранда» и «кусака-масака».

– Да, и эти тоже. Лампа полыхнула очень ярко и – пых! – погасла. И хотя стало темно, в лунном свете из окна Аитон различил, что на спине и на руках у колдуньи выросли перья. Нос у нее затвердел и загнулся вниз, пальцы на ногах превратились в желтые когти, руки стали прекрасными крыльями, а глаза…

– …глаза увеличились в три раза и стали цвета жидкого меда.

– Правильно. А потом…

– А потом, – говорит Констанция, – она расправила крылья, выпорхнула в окошко, пролетела над садом и унеслась в ночь.

Глава пятая
Осел

Антоний Диоген, «Заоблачный Кукушгород», лист Е

Истории о человеке, который по глупости преобразился в осла, такие как знаменитый «Золотой осел» Апулея, были широко распространены в Античности. Диоген беззастенчиво из них заимствует; улучшил ли он эти истории, вопрос дискуссионный. Перевод Зено Ниниса.

Как только сова вылетела в окно, я ворвался в комнату.

Служанка открыла сундук и принялась рыться в колдовских склянках, а я тем временем разделся догола. Я натерся с ног до головы мазью, которую дала мне служанка, взял три щепотки благовония, в точности как колдунья, бросил в лампу и произнес волшебные слова. Лампа, как и в прошлый раз, пыхнула и погасла. Я закрыл глаза и стал ждать. Скоро моя судьба переменится. Скоро я почувствую, как мои руки превращаются в крылья! Скоро я оторвусь от земли, словно кони Гелиоса, и взмою над созвездиями по пути к небесному городу, где придорожные канавы текут вином, а черепахи разносят на своих панцирях медвяные лепешки! Где никто ни в чем не имеет нужды, где всегда веет западный ветер и все мудры!

Я почувствовал, как пятки мои начали превращаться. Пальцы на руках и ногах срослись и увеличились. Уши вытянулись, ноздри расширились. Я ощутил, как лицо удлиняется и что-то – я надеялся, перья – прорастает сквозь мою…

Лейкпортская публичная библиотека
20 февраля 2020 г.
17:08

Сеймур

Первая пуля зарылась куда-то в любовные романы. Вторая попала бровастому в плечо и развернула его. Бровастый упал на колени, поставил рюкзак на пол, как будто это очень большое хрупкое яйцо, и пополз прочь.

Не стой, говорит голос у Сеймура в голове. Беги. Однако ноги не слушаются. За окнами сыплет снег. Гильза от пули дымится у стеллажа со словарями. В воздухе искрятся крупинки паники. Жан-Жак Руссо в переплете с зеленым корешком, на стеллаже через один отсюда, JC179.P, сказал: «Вы погибли, если забудете, что плоды земли – для всех, а сама она – ничья!»[13]

Ну же. Беги.

Он прострелил в ветровке две дыры, нейлон по их краям оплавился. Он испортил куртку; Банни расстроится. Бровастый, упираясь в пол растопыренными пальцами одной руки, заполз в проход между художественной и научно-популярной литературой. Рюкзак стоит на полу, молния главного отделения наполовину расстегнута.

Сеймур ждет, когда в голове раздастся рев. Смотрит, как из ржавых разводов на потолочной плитке сочится вода и падает в наполовину полный бак. Кап. Кап. Кап.

Зено

Выстрелы? В Лейкпортской библиотеке? Невозможно убрать вопросительные знаки. Может, Шариф уронил стопку книг, или столетняя балка под полом наконец провалилась, или какой-нибудь шутник взорвал в туалете хлопушку. Или Марианна хлопнула дверцей микроволновки. Дважды.

Нет, Марианна пошла в «Крастис» забрать пиццы «одним пыхом».

Был ли на первом этаже еще кто-нибудь из посетителей, когда они с детьми вошли в библиотеку? За шахматной доской, или в кресле, или перед компьютером? Он не помнит.

На парковке стояла только одна машина – «субару» Марианны.

Или была еще?

Справа от Зено Кристофер сумел направить прожектор для караоке идеально точно: освещена только Рейчел – служанка в гостинице. Алекс – Аитон из темноты звонко произносит свои строчки:

– Что со мной происходит? У меня на ногах вырастает шерсть, а вовсе не перья! Мой рот ничуть не похож на клюв! И это не крылья, а копыта! Ой, я превратился не в мудрую сову, а в большого глупого осла!

Когда Кристофер вновь переводит свет на Алекса, тот уже в ослиной голове из папье-маше. Рейчел давится смехом, глядя, как Алекс, пошатываясь, бредет по сцене. Из портативной колонки Натали доносится совиное уханье, а за сценой Оливия – разбойник в лыжной маске и с картонной саблей, обернутой фольгой, готова к своему выходу. Эта постановка с детьми – лучшее, что было у Зено в жизни, лучшее, что ему довелось сделать. И все-таки что-то не так,

[13] Перевод П. Потемкина.

эти два вопросительных знака бегут по проводам его мозга, проскальзывая через все заслоны, которые он пытается выстроить у них на пути.

Это не уроненные книги. Не дверца микроволновки.

Он оборачивается через плечо. Стена, которую они поставили на входе в детский отдел, с внутренней стороны не покрашена: просто прибитая к доскам фанера, на которой там и сям поблескивают капли засохшей золотой краски. Дверка посередине закрыта.

– Ой-ой, – говорит Рейчел – служанка, все еще смеясь. – Наверное, я спутала колдуньины баночки! Но не беспокойся, Аитон. Ступай в конюшню, а я принесу тебе свежесрезанных роз. Как только ты их съешь, чары спадут, и не успеешь ты хвостом махнуть, как снова превратишься из осла в человека.

Из колонки Натали доносится ночной стрекот цикад. Зено пробивает дрожь.

– Какой ужас! – кричит Алекс – осел. – Я пытаюсь говорить, а у меня изо рта вырываются только ослиные крики! Переменится ли моя судьба?

В тени за сценой Кристофер присоединяется к Оливии и тоже натягивает лыжную маску. Зено трет ладони. Отчего ему так холодно? Сейчас ведь летний вечер? Нет, нет, сейчас февраль, он в пальто и двух парах шерстяных носков. А лето – в пьесе, которую разыгрывают дети. Лето в Фессалии, стране волшебства, и сейчас разбойники ограбят гостиницу, навьючат на превращенного в осла Аитона тюки с ворованным добром и погонят его прочь из города.

Должно быть какое-то безобидное объяснение для этих хлопков. Конечно должно быть. Но ему нужно спуститься на первый этаж. Просто для очистки совести.

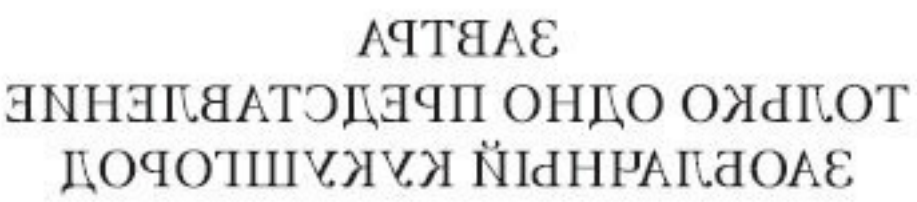
– Не стоило мне связываться с колдовством, – говорит Алекс. – Надеюсь, служанка поторопится и поскорее принесет мне розы.

Сеймур

За библиотечным окном, за снегопадом горизонт поглощает солнце. Бровастый раненый дополз до лестницы и свернулся у нижней ступеньки. Кровь залила верхний угол футболки, затекла на слово «БОЛЬШИЕ» в «Я ЛЮБЛЮ БОЛЬШИЕ КНИГИ», окрасило багровым плечо и шею: Сеймуру страшно, что в теле, оказывается, столько крови.

Он всего-то и хотел, что откусить немножко от агентства «Эдем-недвижимость» за стеной библиотеки. Привлечь внимание. Открыть людям глаза. Быть воином. И что он в итоге сделал?

Раненый сгибает правую руку, батарея слева от Сеймура шипит, и он наконец выходит из столбняка. Берет рюкзак, торопливо идет в тот же угол отдела научно-популярной литературы, прячет рюкзак на другой полке, повыше, возвращается к входной двери и смотрит через объявление, приклеенное скотчем к стеклянной двери:



Сквозь падающие хлопья, точно из стеклянного шара со «снегом», он видит кусты можжевельника, контейнер для возврата книг, пустую дорожку, а дальше – «понтиак» под полуфутовой белой шапкой. Через перекресток в сторону библиотеки идет фигура в красной парке. В руках у нее стопка коробок с пиццей.

Марианна.

Сеймур задвигает щеколду, гасит свет, огибает раненого, проскальзывает через отдел справочной литературы и направляется к задней двери. «АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД, – написано на ней. – ВКЛЮЧИТСЯ СИГНАЛИЗАЦИЯ».

Он медлит. Потом снимает наушники, и на него обрушиваются звуки. Завывания бойлера, капéль протечки, далекий стрекот и что-то похожее на полицейские сирены – за кварталы отсюда, но с каждым мгновением все ближе.

Сирены?

Он снова надевает наушники и давит нажимную штангу двери. Раздается визг электронной сигнализации. Сеймур высовывает голову под снег. По дороге к библиотеке мчатся красные и голубые огни.

Он захлопывает дверь, и сигнализация умолкает. К тому времени, как он добегает до главного входа, полицейская машина с мигалкой уже подъезжает к библиотеке, едва не сбив контейнер для возврата книг. Пассажирская дверца распахивается, кто-то выскакивает. Марианна роняет пиццы.

Луч прожектора ударяет в фасад библиотеки.

Сеймур оседает на пол. Они ворвутся сюда, застрелят его, и все будет кончено. Он придвигает регистрационную стойку к входу, баррикадируя дверь. Потом хватает стеллаж с аудиокнижками и тащит его к окну, роняя на пол кассеты и компакт-диски. Покончив с этим, Сеймур поворачивается спиной к окну, пригибается и силится раздышаться.

Как они добрались сюда так быстро? Кто вызвал полицию? Неужели два выстрела было слышно за пять кварталов в полицейском участке?

Он выстрелил в человека, но не взорвал бомбы. Агентство «Эдем-недвижимость» не пострадало. Он все запорол. Глаза раненого у основания лестницы следят за каждым его движением. Даже в тусклом свете, пробивающемся через снегопад за окнами, Сеймур видит, что пятно крови стало больше. В ушах салатовые наушники; они наверняка соединены с телефоном.

Зено

Кристофер и Оливия в лыжных масках грузят награбленное добро в сумы на спине превращенного в осла Аитона. Алекс говорит: «Ой-ой, тяжело, не надо больше, пожалуйста, это недоразумение, я не животное, я человек, простой пастушок из Аркадии», а Кристофер (разбойник № 1) замечает: «И чего это осел столько орет?», а Оливия (разбойник № 2) отвечает: «Если он не заткнет пасть, нас поймают» – и шлепает Алекса обернутой в фольгу саблей. Внизу включается сигнализация аварийного выхода, потом умолкает.

Все пятеро детей смотрят на Зено, который сидит в первом ряду, и решают, что это, видимо, тоже проверка. Разбойники в масках продолжают грабить гостиницу.

Зено встает, и бедро пронзает привычная боль. Он показывает актерам большой палец, ковыляет через все помещение и открывает маленькую сводчатую дверь. Свет на лестнице не горит.

С первого этажа доносится грохот, как будто двигают стеллаж. Потом все умолкает.

Горит только табличка «ВЫХОД» на верхней площадке лестницы, преображающая золотую краску на фанере в пугающую ядовито-зеленую. Где-то завывают сирены, по лестницам пробегает красный-голубой-красный-голубой свет.

Из темноты накатывают воспоминания: Корея, разбитое лобовое стекло, силуэты солдат на заснеженном склоне. Зено нащупывает перила, спускается на две ступеньки и тут замечает скрюченную внизу фигуру.

Шариф поднимает голову. Лицо у него осунулось. Левое плечо футболки в тени, или чем-то залито, или хуже. Он вскидывает левую руку, прикладывает указательный палец к губам.

Зено замирает на лестнице.

Шариф машет: уходите.

Зено поворачивается, старается тихо наступать на ступеньки. Перед ним золотая стена:

Ὦ ξένε, ὅστις εἶ, ἄνοιξον, ἵνα μάθῃς ἃ θαυμάζεις

Суровость древнегреческого внезапно пугает его инородной холодностью. На миг Зено чувствует себя так, будто, подобно Антонию Диогену, читает надпись на столетнем ларце. Он, пришелец из будущего, готовится войти в неведомое и совершенно чужое прошлое. «О чужестранец, кто бы ты ни был…» Нелепо притворяться, будто он понимает, что значат эти слова.

Зено, пригнувшись, входит под арку и закрывает за собой дверь. На сцене разбойники гонят Аитона-осла по каменистой фессалийской дороге. Кристофер говорит: «В жизни не видел более ленивого осла! Он жалуется на каждом шагу», и Оливия подхватывает: «Как только доберемся до нашего притона, перережем ему глотку и сбросим его с обрыва». Алекс сдвигает ослиную голову наверх и чешет лоб.

– Мистер Нинис?

Прожектор для караоке ослепляет. Зено, чтобы не упасть, садится на складной стул.

Кристофер говорит сквозь лыжную маску:

– Извините, что я спутал реплику.

– Ничего страшного. – Зено старается говорить спокойно. – У вас у всех отлично получается. Очень смешно. Гениально. Всем понравится.

В аудиоколонке стрекочут цикады и сверчки. Картонные облака поворачиваются на ниточках. Все дети смотрят на Зено. Что ему делать?

– Так нам продолжать? – спрашивает Оливия и взмахивает картонной саблей.

Глава шестая
Разбойничий притон

Антоний Диоген, «Заоблачный Кукушгород», лист Z

…огромными ноздрями я обонял розы, растущие в огромных садах на окраине города. О, этот сладкий, навевающий грусть аромат! Однако стоило мне потянуться к цветку, злые разбойники били меня палками и саблями. Ноша колола меня через тюки, неподкованные копыта болели, а дорога вилась все выше в выжженные каменистые горы к северу от Фессалии, и я вновь проклял свою участь. Всякий раз, как я открывал рот, чтобы зарыдать, из него вырывался громкий жалобный крик и негодяи подгоняли меня еще сильнее.

Звезды померкли, взошло белое жаркое солнце, а меня все гнали в горы, где не росло почти ни одной былинки. Меня осаждали мухи, спину пекло, и, сколько я видел, вокруг были только обрывы и скалы. Когда мы останавливались, мне приходилось жевать колючки, ранившие мои нежные губы, в то время как мои седельные сумы были наполнены украденным из гостиницы – не только драгоценными браслетами и диадемами хозяйки, но и мягкими хлебами, вяленым мясом и овечьим сыром.

К полуночи мы добрались до устья пещеры на каменистом перевале. Оттуда вышли еще разбойники и приветствовали тех, что пришли со мной. Меня тычками прогнали через залы, блестящие украденным золотом и серебром, и оставили в жалкой темной пещере. Мне пришлось есть прелую солому, запивая ее водой из сочащейся между камнями струйки, и всю ночь я слышал, как разбойники пируют и хохочут. Я рыдал о моей…

Константинополь
Осень 1452 г.

Анна

Ей исполнилось двенадцать, хотя никто не отметил этого дня. Анна уже не бегает в развалинах, играя в Одиссея, когда тот прокрадывается во дворец царя Алкиноя. Как будто, когда Калафат спалил пергаментные тетрадки Лициния, Феакийское царство тоже рассыпалось пеплом.

У Марии снова отросли волосы на том месте, где Калафат вырвал ей клок, и синяки под глазами давно прошли, но какая-то более глубокая травма осталась. Мария кривится от яркого света, забывает названия вещей, недоговаривает фразы. Из-за головных болей она прячется в темноту. Как-то ясным утром, до полуденного колокола, Мария роняет ножницы и хватается за глаза:

– Анна, я ничего не вижу!

Вдова Феодора хмурится, другие вышивальщицы поднимают голову и тут же возвращаются к работе. Калафат на первом этаже, разговаривает с кем-то из епархии. Мария шарит перед собой руками, роняет вещи со стола. Катушка ниток, разматываясь, катится возле ее ноги.

– Здесь дым?

– Нет никакого дыма, сестра. Идем.

Анна ведет Марию по каменной лестнице в их каморку и молится: святая Коралия, помоги мне быть лучше, помоги мне научиться швам, помоги мне все делать правильно. Только через час Мария может различить свою руку, когда подносит ее к лицу. За ужином женщины пытаются поставить диагноз. Странгурия? Четырехдневная лихорадка? Евдокия предлагает талисман, Агафья советует пить отвар чистеца и астрагала. Однако, хотя ни одна не говорит этого вслух, все убеждены, что в старом манускрипте Лициния было заключено какое-то злое колдовство и он, даже уничтоженный, приносит сестрам несчастья.

Что это за ворожба?

Забиваешь себе голову ненужными глупостями.

После вечерних молитв вдова Феодора заходит к ним в каморку с курильницей, в которой тлеют душистые травы, и, подобрав под себя длинные ноги, садится рядом с Марией.

– Давным-давно, – говорит она, – я знала одного обжигальщика извести, на которого по временам нападала слепота. Потом он перестал видеть совсем, и мир для него стал чернее ада, и врачи, ни здешние, ни заморские, ничем ему помочь не могли. Однако его жена возложила упование на Господа, собрала все серебряные монеты, какие смогла наскрести, и отвела мужа к богохранимым Селебрийским воротам, в храм Пресвятой Богородицы Живоносный Источник, где монахини дали ему испить воды из чудотворного родника. И когда обжигальщик извести вернулся домой…

Феодора, вспоминая то время, крестится, и дым от курильницы плывет между стенами.

– Что? – спрашивает Анна. – Что было, когда обжигальщик извести вернулся домой?

– Он увидел чаек в небе, и корабли в море, и пчел, перелетающих с цветка на цветок. И до конца его жизни люди говорили об этом чуде.

Мария садится на тюфяке. Руки у нее на коленях – будто изувеченные ласточки.

Анна спрашивает:

– А сколько нужно серебра?

Через месяц она в сумерках останавливается под стеной монастыря Святой Феофании. Смотрит. Прислушивается. Залезает на стену. Протискивается между железными кольями наверху. Спрыгивает на крышу маслобойни. Замирает, пригнувшись, и снова прислушивается.

Над кухней вьется дымок, из церкви доносится тихое пение. Анна думает про Марию, которая сидит сейчас на тюфяке и, щурясь, распускает и переделывает простой веночек, который Анна пыталась вышить днем. В сгущающейся темноте перед ней возникает картина: Калафат хватает Марию за волосы, тащит по коридору, она ударяется о ступени – и у Анны перед глазами вспыхивают искры, как будто она сама ударилась головой.

Она слезает с крыши, проскальзывает в курятник и хватает курицу. Та кудахчет, но Анна быстро сворачивает ей шею и сует курицу за пазуху. Залезает на крышу маслобойни, протискивается между железными кольями и по плющу спускается на землю.

За прошлые недели она продала на базаре четырех краденых кур за шесть медных монет. Мало. На эти деньги благословения для Марии в храме Живоносный Источник не купишь. Едва коснувшись ногами земли, Анна пускается бегом по проулку, так чтобы монастырская стена оставалась слева, и выбирается на улицу, где в сумерках текут в обе стороны потоки людей и животных. Опустив голову и придерживая рукой курицу, Анна, незримая, как тень, добирается до базара. И тут сзади ее дергают за платье.

Это мальчик примерно ее лет. Пучеглазый, с большими руками, босой и такой тощий, что кажется, будто весь он – одни глаза. Она его знает. Гимерий, племянник рыбака. Из тех мальчишек, про которых кухарка Хриса говорит, что они хуже выдирания зубов, а проку от них – как от пения псалмов над дохлой лошадью. Густой чуб свисает на лоб, за кушаком – кинжал, улыбка – торжествующая.

– Воруешь у служительниц Божьих?

Сердце у Анны колотится так громко, что ей кажется, прохожие должны слышать. Ворота монастыря Святой Феофании совсем близко; Гимерий может потащить ее туда и обличить, показать всем, что у нее за пазухой курица. Анна видела, как казнят воров. Прошлой осенью их вырядили шлюхами, усадили на ослов задом наперед и отвезли к виселицам на площади Амастриан. Самый младший из них был не старше, чем Анна сейчас.

Повесят ли ее за кражу курицы? Мальчишка смотрит в проулок на стену, с которой Анна только что слезла, что-то прикидывает.

– Знаешь монастырь на скале?

Она опасливо кивает. Это развалины на краю города, возле Софийской пристани, жутковатое место, с трех сторон окруженное водой. Века назад там, наверное, была уютная обитель, но теперь место заброшенное и страшное. Мальчишки Четвертого холма говорили, что там живут призраки, пожирающие души, и они носят своего игумена из комнаты в комнату на троне из костей.

Проезжают два кастильца в парчовых одеждах, щедро умащенные благовониями, и Гимерий с легким поклоном уступает им дорогу.

– Я слышал, – говорит он, – что в том монастыре лежит множество древностей: кубки слоновой кости, перчатки, расшитые сапфирами, львиные шкуры. И что патриарх хранил там частицы Святого Духа в золотых сосудах.

Колокола десятка церквей начинают медленный перезвон. Гимерий смотрит поверх Анниной головы, моргая глазищами, как будто видит в ночи мерцание драгоценных камней.

– В городе есть чужеземцы, которые дорого заплатят за старинные вещи. Я отвезу нас к монастырю на лодке, ты залезешь туда, набьешь мешок, и мы продадим все, что ты найдешь. Приходи к башне Велизария в первую же ночь, как море затянет туманом. А иначе я расскажу монашкам, что за лиса таскает их кур.

Как море затянет туманом. Каждый вечер Анна смотрит в окно мастерской, но осенние дни по-прежнему ясные, небо синее, аж сердце щемит, и воздух такой прозрачный, что кухарка говорит, можно заглянуть в Христову спальню. Иногда в улочках, в просветы между домами, Анна видит монастырь: обрушенную колокольню, высокие стены, заложенные кирпичом окна. Перчатки, расшитые сапфирами, львиные шкуры… Гимерий дурак, и только дурак верит в такие басни. Но вопреки всему в ней шевелится надежда, как будто ей отчасти хочется, чтобы опустился туман.

И однажды вечером белая клубящаяся мгла с Пропонтиды[14] наползает на город: плотная, холодная, поглощающая все звуки. В окно мастерской Анна видит, как исчезает купол церкви Святых Апостолов, потом стены монастыря Святой Феофании, а за ними и двор внизу.

С наступлением темноты, после вечерних молитв, Анна выскальзывает из-под общего с Марией одеяла и крадется к двери.

– Ты уходишь?

– Я только в нужник. Спи, сестра.

По коридору, по краешку двора, чтобы не заметил сторож, в лабиринт улочек. Туман скрадывает стены, приглушает звуки, превращает людей в тени. Анна торопится, стараясь не думать о ночных опасностях, про которые ей говорили: ведьмах, заразных испарениях, разбойниках и нищих, диких собаках, выскакивающих из темноты. Она минует дома кузнецов, скорняков, башмачников. Все эти добрые, благочестивые люди сидят по домам, заперши двери. Анна по крутой улочке спускается к основанию башни, ждет и дрожит. Лунный свет льется в туман, словно молоко.

Со смесью облегчения и разочарования она решает, что Гимерий отказался от своей затеи, но в этот самый миг он возникает из темноты – на правом плече веревка, в левой руке мешок. Ни слова не говоря, Гимерий ведет Анну через рыбачьи ворота и дальше по галечному пляжу мимо десятка перевернутых лодок к своей.

Она такая латаная-перелатаная, доски такие гнилые, что ее и лодкой-то трудно назвать. Гимерий закидывает внутрь мешок с веревкой, стаскивает лодчонку с берега и стоит рядом по колено в воде.

– Она не утонет?

Гимерий смотрит с обидой. Анна забирается внутрь, Гимерий толкает лодчонку и ловко переваливается через борт. Вставляет весла в уключины, выжидает мгновение. С весел кап-кап-капает вода, над головой проносится баклан. Мальчик и девочка оба следят глазами, как он возникает из тумана и вновь пропадает.

Гимерий начинает грести, Анна вцепляется в банку. Из тумана возникает стоящая на якоре каракка – грязная, обросшая ракушками, огромная. Борт немыслимо высокий, под кормой плещет черная вода, якорный канат опутан водорослями. Раньше Анна думала, корабли – величественные и стремительные, но сейчас, так близко, у нее мурашки бегут от страха.

Каждое мгновение она ждет, что их остановят, но никто их не останавливает. Они достигают волнолома; Гимерий кладет весла на борт и устанавливает на корме две удочки без наживки.

– Если спросят, мы ловим рыбу, – шепчет он и в доказательство встряхивает удочку.

Лодчонка раскачивается, воздух пахнет моллюсками, за волноломом разбиваются о камни морские валы. Анна еще никогда не бывала так далеко от дома.

Время от времени Гимерий наклоняется и широкогорлым кувшином вычерпывает со дна воду. Высокие башни Дворцовой гавани давно скрылись в тумане, слышен лишь далекий плеск прибоя да стук весел. Сердце у Анны сжимается от страха и восторга.

---

[14] Древнегреческое название Мраморного моря.

Отыскав проход в волноломе, мальчик подбородком указывает на зыбкую тьму впереди:

– В отлив тут бывает сильное течение, которое вынесло бы нас в открытое море.

Он еще некоторое время гребет, затем поднимает весла и протягивает Анне мешок с веревкой. Туман такой густой, что она в первый миг не видит стену. Потом наконец различает кирпичи – самые, наверное, древние и ветхие в мире.

Лодчонка прыгает на волнах, и откуда-то из города, как будто с дальнего края мира, доносится удар колокола. Из катакомб Анниного сознания выползают страхи: слепые призраки, их демонический игумен на троне из костей, губы у него темны от детской крови.

– Видишь водосточные отверстия у самого верха? – шепчет Гимерий.

Она видит лишь кирпичную громаду, обросшую ракушками над водой, а выше – в пятнах мха и потеков. Сверху стена уходит в туман, а кажется, что в бесконечность.

– Доберешься до такого отверстия и сможешь в него пролезть.

– А потом?

В темноте его глазищи как будто светятся.

– Наполнишь мешок и спустишь мне.

Гимерий держит лодку так близко к стене, как только может. Анна смотрит вверх и дрожит.

– Веревка надежная, – говорит Гимерий, как будто Анна сомневается в веревке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.